

Теория двойного различения Н. Лумана: понятия, интерпретация, версия

Гуцин О. В.,

независимый исследователь, Молдова, Кишинев,
oleg_gusin@mail.ru

Аннотация: Теория двойного различения Лумана является сквозной темой, проходящей через все социологическое наследие выдающегося немецкого социолога. Поскольку данная теория не является предметом социологии и выходит далеко за ее рамки, то естественно, что ее сущностное рассмотрение не обязано быть социологическим. В связи с этим в процессе исследования текстов Лумана так или иначе возникает противоречие между представляющей проблематику научной коллаборацией и самой проблематикой. В чем вкратце ее суть? Мы различаем нечто как таковое само по себе единичное и неделимое, не испытывая при этом никаких экзистентных трудностей. Но как только мы намерены различить само различение, то сразу оказываемся в турбулентии форм и идентификаций, мер и измерений, попутно утрачивая собственную, некогда незыблемую, позицию наблюдателя. Возникает ситуация неопределенности, толкающая к тому или иному выбору, к той или иной приверженности как к чему-то определенному. Луман стремится преодолеть интенцию к приверженности. В результате разворачивается динамическая панорама непрерывно соотносящихся между собой различительных актов. Это, пожалуй, самое сложное место не только у Лумана, но и в теории двойного различения в целом. Сложность состоит в том, чтобы описать, как возможно отношение к тому, что само есть в результате отношения. По Луману, всякое определенное различенное — это акт в акте, движение внутри движения, время внутри времени, предмет в предмете, жизнь в жизни, отношение внутри отношения и т. д. О каком бы различенном мы ни говорили, речь, так или иначе, всегда идет о двойной перспективе различения. Луман стремится прояснить суть отношения в отношении как возможность экспликации того, что само дает эксплицировать. Эту возможность Луман называет аутопойесисом, в котором единство различительных актов находит свое высшее динамическое выражение. «Камнем преткновения», о который постоянно «спотыкается» теория аутопойесиса, является даже не столько тот факт, что аутопойесис хотят найти в прикладных эмпирических исследованиях, сколько, то, что в момент его различения меняется сама соотносимость различения. Здесь уже нет обратного хода к прежним аргументам, постоянно требуется разработка нового контекста, многократно меняются основания.

Несколько слов о способе изложения материала. В процессе написания статьи приходилось периодически отвлекаться от специфически лумановского дискурса и «переводить» интерпретацию на язык версии. Нам хотелось не только охватить объем лумановского проникновения в проблематику двойных различений, но и самим приблизиться к ней, насколько это возможно, на предельно близкую дистанцию. Задача оказалась двоякой, в связи с чем была применена предложенная нами т. н. «формула» актуальности исследования, которая наверняка была бы поддержана немецким ученым: «интерпретация автора» + «версия интерпретатора» = «живой отклик понимания». В противном случае мы оказались бы в плену исключительно авторской системы, непростительно упуская из виду беспокойную пульсацию исследуемой сути. На протяжении всего своего научного пути Луман не просто борется со всевозможными проявлениями строго детерминированной системности — это скорее следствие, нежели цель, — он с завидным постоянством пытается высвободить из жестких понятийно-

теоретических структур динамическое единство различительных актов, дабы приоткрыть в нем его реликтовое перманентное самодвижение, рискуя быть непонятым своим профессиональным сообществом, вдохновляя тех, кто чуток к подхватам мысли, независимо от притязаний на нее рубрик.

Ключевые слова: первичное (вторичное) различение, наблюдатель, двойная перспектива, генерализация, слабые сопряжения, слепое пятно, реликтовые различения, проторазличие, кататоническое различение, действие, система, бескоррелятное различение, потенциация, контингентность, аутологическое понятие, аутопойесис.

*Я живу две жизни сразу и только
так могу вспомнить одну из них.
Онетти Х. К.¹*

*Мы видим все остальное и слышим
все остальное, но действительного
строения, или ткани, жизни,
мы не слышим и не видим.
Мамардашвили М.²*

*Об одном и том же речь идет два раза.
Различение вступает в различенное им...
Есть это различение теперь то же, чем оно было
прежде? Есть ли еще тут то, что было прежде?
Или первое различение исчезает и становится вторым?
Ответ состоит в том, что здесь можно предполагать
наличие парадокса, то есть что различение, которое
снова вступает в себя, есть то же самое и не то же самое
одновременно, и что в этом-то и состоит вся хитрость...
Луман Н.³*

*Мы вместе с нашим четырехмерным миром можем
оказаться лишь тенью на границе большего, пятимерного,
пространства-времени. В этом случае наше положение
во Вселенной буквально аналогично положению
золотой рыбки внутри аквариума.
Стивен Хокинг⁴*

Теория двойного различения Никласа Лумана выходит далеко за рамки собственно социологической науки и вполне может быть рассмотрена как самостоятельная. Отчасти повод для такого заключения дает сам Луман. При работе с его текстами закрадывается подозрение, что социология ему нужна для создания некой концептуально-понятийной

1 Онетти Х. К. Избранное. — М.: Радуга, 1983. «Короткая жизнь». — С. 132.

2 Мамардашвили М. Психологическая типология пути. — РХГИ. СПб., 1997. — С. 105.

3 Цит. по Филиппов А. Ф. Теория систем: аутопойесис продолжается. — Социологическое обозрение Том 3. № 1. 2003. — С. 52. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sistem-autopoyesis-prodolzhaetsya>.

4 Хокинг Ст., Млодинов Л. «Высший замысел».

https://elementy.ru/bookclub/chapters/431557/Vysshiiy_zamysel_Glava_iz_knigi.

формы с ее внутренними связями и логико-эмпирическими очевидностями, чтобы посредством нее исследовать более емкую, в некотором смысле даже онтологическую, проблематику. Во всяком случае, такое предположение допустимо, учитывая, что социология порой вполне успешно «справляется» с исконно онтологическими и метафизическими понятиями. В связи с этим мы попытались выявить в текстах Лумана аспект, непосредственно не связанный с его профессиональными исследованиями. Предприятие, прямо скажем, рискованное, нарушающее неписанные грани и каноны наук, к тому же с точки зрения формальных требований крайне сомнительное. Но есть одно обстоятельство, дающее ход подобному рода инициативам и, соответственно, добавляющее немалую долю мотивации. Речь идет об устойчивости смыслов в социальных системах. Луман приходит к выводу, что любая социальная система продуцирует смыслы, когда она входит в резонанс с другой системой, и только так *«может создать несколько описаний самой себя»*⁵. Если применить данный подход к пониманию научных систем, то окажется, что Луман допускает определенную свободу в интерпретации своих текстов. По мнению социолога, понимание смыслов той или иной системы возможно при периодическом изменении ее контекста, т. е. стилей, комплексов знаков, маркеров, образующих своего рода *«оптический дизайн»*⁶ интерпретации. В противном случае любая неизменная автономная система, в т. ч. теоретическая, *«должна содержать в себе отрицание самой себя»*⁷.

Какие сложности возникли на пути столь нетипичной постановки проблемы? Конечно, это сложности, связанные с самой интерпретацией — ее границами и возможностями, направлениями, заранее неизвестными, ведущими к той окраине, на которой мы всегда оказываемся непреднамеренно. Как утверждает Подорога В. А., *«прежде чем создавать версию, посмотри, чем ты можешь быть обязан авторской позиции»*⁸. Луман приводит довольно убедительный пример из области коммуникативной интеракции: *«Кто-то формулирует определенное предложение, и оно стихает и никогда не используется снова, или же оно записывается и тогда при случае снова артикулируется, но в промежутке мы заняты другим»*⁹. Т. е. когда мы интерпретируем текст, то его смысл проясняется тем лучше, т. е. осмысливается *«как нечто осязаемое»*¹⁰, чем разнообразнее тематический словарь, сам дискурс в целом. Важно, чтобы не повторялись одни и те же фигуры и обороты речи (письма), а какой-нибудь косвенный отвлеченный сценарий призван к тому же обеспечить устойчивость понимания основной темы, в противном случае смыслом грозит «испарение». *«Мы постоянно страдаем от утраты смысла»*¹¹, — говорит Луман.

Пересечение версии и интерпретации в соответствии с представлениями Лумана должно способствовать выявлению содержания понятия, в данном случае понятия «двойного различения». Практически мы и преследовали эту цель, местами углубляясь в индивидуальные изыскания, используя собственные понятийные конструкции

5 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 188.

6 Там же. С. 235.

7 Там же. С. 201.

8 Подорога В. Метафизика ландшафта. — М.: Канон-плюс, 2013. — С. 197.

9 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 236.

10 Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — С. 26.

http://yanko.lib.ru/books/cultur/luman-ob_kak_soc-sistema-8l.pdf

11 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 231.

и умозрительные сценарии. При этом необходимо помнить, что проблема двойного различения Луманом, строго говоря, так и не была поставлена. Не поставлена, надо полагать, поскольку она не является имманентно социологической, что как раз и позволило Луману формулировать ее в свободном стиле, внеконтекстно, парадоксально, непредвзято, фрагментарно, не всегда уделяя должного внимания ее содержанию. В результате двойное различение оказалось сквозной самостоятельной темой, беспрепятственно эволюционирующей внутри социологических исследований Лумана, саму себя собирающей и «взрачивающей» на их полях. Неким «козырем в рукаве», о нем могут намекать или умалчивать, но он, так или иначе, присутствует и подразумевается.

Правда, сложности интерпретации на этом не заканчиваются. Собранный таким способом лумановский текст не всегда обладал собственной логикой и требовал поэментного рассмотрения. «Сбор истины» предстал совокупностью тезисов с оттенком парадокса. При этом их связь понималась скорее на интуитивном уровне, нежели на аналитическом. Поэтому наши рассуждения, разделенные на отдельные блоки, уже имели очертания самостоятельных изысканий. В итоге возникли, как нам представляется, продуктивные противоречия между интерпретацией текстов Лумана и собственной авторской версией, между представляющей проблематику научной школой и самой проблематикой, между тезисно/парадоксальным способом выявления истины и аналитическим. Мы не ставили перед собой цель преодолеть данные противоречия еще и потому, что проблематика двойного различения сама по себе оказалась обширной, захватывающей, сложной и откровенно запутанной. Достаточно упомянуть в связи с этим замечание Лумана: *«Развитие в сторону сознания единства, а также символики обобщения... так и не привело к понятийно-теоретическому проникновению в единство различного»*¹².

Это довольно радикальная позиция, тем более от социологического ведомства, и мы будем неоднократно обращаться на нее внимание. Важно отметить, что в контексте научных изысканий Лумана единство двойных различений действительно просматривается как какое-то запредельное сверхдинамическое состояние дел. И это происходит в тот момент, когда мы различаем не просто различное нечто, а намерены различить само различение. Мы тут же оказываемся в тотальном потоке форм и идентификаций, мер и измерений, попутно утрачивая собственную, некогда незыблемую, позицию наблюдателя. Возникает ситуация неопределенности, толкающая нас к тому или иному выбору, к той или иной приверженности как к чему-то определенному. И тогда социальное становится «чашей весов», которая призвана уравновесить отчаянную попытку «удержания» единства различений. Но мы умышленно отклоняем социальное в социологии Лумана, чтобы его несоциологическая проблематика получила свое собственное развитие.

Принимая во внимание теоретические подходы Лумана к смыслу и интерпретации, позволим себе рассмотреть его как своего рода интерпретативную интродукцию, первоначально не содержащую в себе дискурс и понятийный состав лумановских изысканий, призванную служить неким «каркасом» для их дальнейшей экспликации.

12 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 213–214.

**Оппозиция «стимул — реакция»
в ее онтологической интерпретации**

Луман, упоминая вскользь некогда популярную в психологии бихевиористскую концепцию «стимул — реакция», замечает, между прочим, следующее: «Психологи уже в 1930-е гг. поняли, что не может быть простой трансформационной функции, но что надо задействовать промежуточную переменную...»¹³ В принципе, данная позиция не является исключительной. «Существует несомненное различие между органическими реакциями и человеческими ответами. В первом случае на внешний стимул дается прямой и непосредственный ответ, во втором ответ задерживается. На первый взгляд, такую задержку вряд ли можно считать приобретением»¹⁴. И еще: «В истории сознания поворотной точкой был момент возникновения возможности временного промежутка (паузы) между импульсом и реакцией на него... Принципиально новый этап наступает с возникновением временного разрыва между получением информации и реакцией на нее»¹⁵.

Схема «стимул — реакция», как нам представляется, несмотря на остывшее внимание к ней со стороны гуманитарных наук, продолжает оставаться непроработанной, в некотором смысле даже брошенной на полпути. «Различие между органическими реакциями и человеческими ответами» не просто не прояснено, собственно до сущностного прояснения дело так и не дошло. Почему? Луман говорит о некоей «промежуточной переменной», и это не столько недостающее понятие, сколько постоянно ускользающий горизонт изысканий. Надо полагать, посредством промежуточной переменной должна открыться перспектива «человеческих ответов». Неотъемлемым звеном этих ответов является довольно неоднозначная фигура лумановской теории — наблюдатель. Без наблюдателя Лумана не происходит ровным счетом ничего, нет никаких данностей, невозможны никакие акты. Если наблюдатель находится извне, т. е. выбирает независимую позицию по отношению к схеме «стимул — реакция», тогда она действительно схожа с абстрактным предметом рассмотрения, ничего толком не объясняющим.

Но стоит поместить наблюдателя внутрь данной схемы, как картина сразу изменится. Каково наблюдателю, расположенному в элементе «стимул», т. е. при полном запрете на какую-либо «реакцию»? Как возможна тематизация «стимула» без дефиниции реакции? Сколь долго мы продержимся без реакций и насколько успеем разглядеть сценарий, который, прежде чем принять в себя, должен еще что-то нам показать? Очевидно, под «стимулом» в данном случае будет скрываться нечто непредметное, неразличимое неидентифицируемое, неизвестное, незнакомое. На нас что-то «давит», окружает со всех сторон, грозит столкнуть. Что происходит, когда с нами случается нечто необычное, лишненное собственного имени, понятия, представления? Это нечто не содержит в себе никакого адекватного объяснения. Оно не находит в архиве нашего восприятия соотносимого значения. Оно наваливается своей необъяснимостью и сковывает собой всякую возможность понимания, разрушая привычные знаково-

13 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 49.

14 Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. — М.: Прогресс, 1988. — С. 28.

15 Лотман Ю. Культура и взрыв. — М.: Гнозис. Изд. гр. «Прогресс», 1992. — С. 220.

<https://studfile.net/preview/1787816/page:14/>

смысловые связи повседневности. Пропало все привычное и знакомое, исчезло прошлое и будущее, осталось лишь тягучее и неизбывное настоящее, заполонившее собой весь временной горизонт, не допускающий в свой тотальный ритм никакие другие измерения. Нам становится не по себе. Мы теряем память и способность понимания.

Необходимо что-то предпринять, дабы вырваться из оцепенения, а именно — схватиться за какую-то мысль, произнести слово, имя, совершить какое-то действие. В последние мгновения своей осознанности человек противопоставляет энергию самого могущественного сопротивления. Она настолько внезапна и тотальна, что наблюдатель окончательно и бесповоротно забывает о том, что эта энергия — его же собственная глубинная реакция на происходящее. Он словно оказался жителем в ландшафте собственной реактивности, оказался укрытым ее противостоящей силой, забывая, что она — его же психическая витальная экспрессия. Страх перед неопределенностью, достигнув небывалой величины, вспыхнул в сознании наблюдателя как ослепительная и мгновенная пульсация, как жизнеутверждающая вибрация живого, прочертившая собой новый горизонт восприятия. В результате причины, вызвавшие столь тотальную вспышку жизненного сопротивления, остались за границами восприятия и тут же оказались забытыми. Только после потери памяти о происшедшем наблюдатель впервые будет в состоянии увидеть перед собой на месте недавнего противостояния преобразованную реальность, из которой выветрены и высветлены все деструктурируемые и несопоставимые составляющие.

Стремительное наложение друг на друга разных реакций способствует тому, что мы сначала забываем «облики» наступающей со всех сторон неопределенности, а затем забываем и нашу ответную реакцию на эти облики. На границе реактивности дважды совершается перестановка причинно-следственных последовательностей. Первая перестановка связана с тем, что неизвестное в момент активизации витальных сил сопротивления перестает быть причиной этих сил и оказывается за пределами территории их буйства. Как только «я»-импульс достиг границ реактивности, он тут же вытеснил причины себя и сам стал единственной смыслообразующей причиной, создающей новый вид активности. Вторая перестановка связана с тем, что «я» забыло не только свои причины, то есть воздействия, породившие «я»-вибрацию, но и себя как источник витальной экспрессии. *«Если бы мы не умели забывать, о Господи, что за путаница возникала бы в каждой ситуации»*¹⁶.

Что происходит в схеме «стимул — реакция», когда наблюдатель расположен внутри нее? Рассмотрим сначала два варианта: наблюдатель находится на позиции одного элемента, затем другого. В зависимости от расположения наблюдателя высвечиваются разные феноменологические сценарии. Например, как только наблюдатель оказался в элементе «реакция», то сам этот элемент становится нестабильным, внутри него формируется новая пара «стимул — реакция». Каким способом? В определенный момент (микромoment) второй элемент оппозиции оборачивается реакцией на собственную реакцию, одновременно создавая предпосылку «стимула» в новой оппозиции, постоянно раскрывая правую скобку, усложняя и удлиняя «рекурсивную петлю»¹⁷ реакций.

16 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 342.

17 «Хотелось бы знать более точно, как происходит рекурсивность». Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 344.

Когда наблюдатель расположен во втором элементе схемы — «реакция», перед ним открывается и сразу устремляется вдаль «живая» динамическая перспектива, рекурсивная петля сцепленных друг с другом оппозиций. Находиться в этом элементе значит постоянно быть обращенным к иной пред-актуальности. Каждая схема порождает будущую схему, которая, в свою очередь, порождает следующую и т. д. Если же наблюдатель идентифицирует себя с первым элементом — «стимул», то схемы, напротив, схлопываются, регрессируя в обратном направлении в сторону возврата к своему изначальному состоянию. Имеет место стремительная редукция всей сложности многоуровневых реакций к первичному стимулу.

Очевидно, наблюдатель потенциально сталкивается с разными «анонимными» актами, уготовляющими различные горизонты и ландшафты обзорности в зависимости от того, где он сам находится. С позиции первого члена — «стимул» — контур выглядит регрессивным и закрытым. Но с позиции второго члена — «реакция» — правая скобка контура постоянно раскрывается и создается новая пара («стимул — реакция»), в которой уже сам первый контур выступает «стимулом» во втором контуре. Из перспективы второго контура «стимул» первого контура не виден, он уже суб-активен (хотя его роль от этого отнюдь не приуменьшена), но «реакция» первого контура, в свою очередь, видна как «стимул» второго контура. Образуется рекурсивная петля контуров, которая, если смотреть с позиции «реакции», словно устремляется в бесконечность усложнения, саморазвития и самокреации, постоянно совершая т. н. хайдеггеровский «толчок», который *«не приходит ни “извне” ни “изнутри”, но вырастает... из него самого...»*¹⁸. Но если смотреть на цепь контуров с позиции «стимула», то получаем регрессию, закрывающую все правые скобки оппозиций и возвращающую все в исходную точку.

Какую бы позицию себе ни выбрал наблюдатель, она не предоставляет ему возможности рефлексии, самореференции, актуализации, идентификации. Более того, в любом из его местоположений (обращенности), мгновенно запускающих тот или иной акт, наблюдатель не различает ни себя, не весь этот реликтовый action, не видит его и не понимает. Очевидно, рекурсия должна замкнуться на себе самой, причем так, чтобы вся ее сложносоставная «живая» конструкция (петля) стала на место второго члена первой оппозиции — «реакция». И тогда она будет реагировать всем своим составом на какой-то элементарный природный «стимул», становясь при этом и сложной, и простой схемой одновременно, с фрактально встроенными друг в друга перспективами. *«В той мере, в какой рекурсии указывают на будущее, они указывают на бесконечно разнообразные возможности наблюдения, а значит, на мир как виртуальную реальность, относительно которой еще нет совершенно никаких сведений»*¹⁹.

В зависимости от местоположения наблюдателя просматриваются следующие три сценария. При расположении наблюдателя во второй позиции схемы «стимул — реакция» сама схема функционирует как прогрессивная рекурсия с изъятием каждый раз второго члена и помещением на его место новой схемы. При расположении наблюдателя в первой позиции происходит регресс с изъятием новой схемы и возвращением на его место предыдущего (изъятая) второго члена (смерть в каждом обратном шаге). При расположении наблюдателя в двух позициях одновременно/попеременно (экзистенция)

18 Хайдеггер М. Бытие и время. — СПб.: Наука, 2002. — С. 136.

19 Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — С. 25.
http://yanko.lib.ru/books/cultur/luman-ob_kak_soc-sistema-81.pdf

имеет место наложение друг на друга противонаправленных тенденций, замыкание прогрессивной рекурсии на самой себе, образование в точке замыкания зримо-зрячего «пространства пересечения», дающего распознать и различать, соотносить и идентифицировать.

Какие выводы могут быть сделаны на данном этапе?

Первый. Схема «стимул — реакция» должна рассматриваться не в каузально-логическом, и тем более не в биологическом или физиологическом аспектах, а, скорее, в феноменально-динамическом.

Второй. Схема выглядит как абстрактная статичная умозрительная фигура, потому что рассматривается с внешней позиции, которая еще каким-то образом должна быть обоснована. Изначально у наблюдателя нет никакой иной точки наблюдения, кроме как внутри самой оппозиции.

Третий. Как только элемент «реакция» актуализуется, он, будучи в оппозиции вторым, *выпадает* и *замещается* тем, который в следующей оппозиции станет первым (стимул), т. е. своим *иным*. Имеет место *инверсия* элементов.

Четвертый. Из горизонта любой произвольно взятой схемы первый элемент предыдущей схемы («стимул») не виден, он суб-активен, опространствен, развеян, «накрыт» «слепым пятном». Реакция на реакцию отменяет собой всякий предыдущий «стимул», его систему координат, масштаб и соразмерность, «накрывая» его своей тенью, определяя его как несущественное, отталкивая в «слепое пятно». На границе оппозиций формируется новое масштабирование, посредством которого открывается иной вид: здесь уже совсем другой бытийный горизонт, другие соотношениями близи и дали, предела и бесконечности.

Пятый. Сомкнутость концов рекурсивной петли, одновременно размыкающей контуры и изменяющей их элементы на противоположные, впервые дает чему-то быть различным (отличным от всего). Только в одновременно/попеременном стоянии/балансировании «на чашах весов» разнонаправленных самодвижений (экзистенция), создающих предпосылку сомкнутости рекурсивной петли, впервые открывается возможность совершения акта в акте как предпосылки самореференции наблюдателя, а также различения им простых локализованных вещей — неделимых, элементных. Как только мы пытаемся познать контуры в их автономном элементном самостоятельном модусе, мы, скорее, домысливаем их, «видим» такими лишь в некой умозрительной абстрактной форме.

Шестой. Здесь мы хотим обратить внимание на идею, которая Луманом напрямую не высказывается, но которая логически следует из его исследований. А именно: имеет место тройная динамическая корреляция актов. В зависимости от расположения наблюдателя либо в элементе «стимул», либо в элементе «реакция», либо в обоих одновременно/попеременно открывается та или иная последовательность феноменообразующих актов. В первом отдельно взятом случае речь идет о регрессе самой позиции наблюдателя, сворачивании его витальных и экзистенциальных оснований. Во втором случае непрерывно потенцируются серии модусов и масштабов, измерений и горизонтов реактивности (пока это лишь предпосылка различения, его пред-актуализация). В третьем случае акты прогрессии и регрессии при наложении друг на друга с одновременным выпадением и инверсией элементов образуют высветленное пространство и сценарий различения различений.

Предварительное (отвлеченное) рассмотрение состояния единства различий

Как мы уже говорили выше, Луман обращает наше внимание на тот факт, что категория единства различий (различений), при всей своей обиходности в гуманитарных науках, остается нераскрытой. *«Тематизация не имеющего различий единства различия как единства возможна лишь в форме парадокса, т. е. вводящей в заблуждение автоблокировки наблюдателя, который сразу же должен перестать быть наблюдателем — или развернуть парадокс, т. е. перейти к новым различениям и обозначениям»²⁰.*

Попытаемся понять, что хочет сказать Луман, не теряя из виду то, что по ходу дела хотим сказать мы. Комментарий немецкого социолога и экономиста Дирка Беккера, использующего исключительно лумановский дискурс, позволяет хоть и ненамного, но все же продвинуться на пути интерпретации Лумана. *«Под «единством различения» понимается само различение — в отличие от того, что оно позволяет различать. В основе этого лежит представление о том, что наблюдатель никогда не способен одновременно и наблюдать то различение, которое он использует... и обозначать нечто. Всякое различение может наблюдаться лишь при помощи иного, следующего различения. Наблюдать наблюдателя в отношении единства различения, которое он использует, значит наблюдать его самого так, как он сам себя наблюдать не может. Ибо лишь таким образом возможно увидеть, что он видит и чего не видит при помощи своего различения»²¹.* В единстве различения свидетельствует не только различенное нечто, но еще и такое подспудное (подстратное) различение, без которого невозможно различение чего-то конкретного определенного. Как об этом можно сказать, чтобы это было доступно пониманию? Очевидно, об этом нужно сказать на языке иных дистанций и приближений к сути. Тем более Луман беспредельно демократичен, позволяя интерпретировать его теоретическую систему в категориях и сценариях системы интерпретатора. В таком случае рискнем увести лумановскую проблематику из ее же лумановского дискурса, изменить ее постановочный контекст, дабы не растерять ее актуальность. Утратим мы ее или же, напротив, заново обречем в невероятных для нас очертаниях? Именно на это последнее мы и рассчитываем, идя на столь рискованное предприятие, расположенные отречься от уже имеющегося проторенного во имя неизвестного тернистого, настроенные отложить на время интерпретацию ради версии.

Что нами движет, когда однажды среди бела дня мы вдруг намерены реагировать решительно и бескомпромиссно, активно, с пониманием дела и последствий, будто бы идя наперекор общей инертности и стереотипам? Данный факт тем более значим, когда речь идет об исконном праве на индивидуальное самовыражение, как это принято сегодня называть и как бы широко это ни понималось. И нам совсем невдомек, что в нашем исконном нам как раз может быть отказано. Почему? Потому что решительному

20 Луман Н. "Что происходит?" и "Что за этим кроется?". Две социологии и теория общества. — Социологическое обозрение. Т. 6. № 3, 2007. — С. 116.

https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf

21 Беккер Дирк. «В обществе — об обществе». <https://scibook.net/obschaya-sotsiologiya-kniga/dirk-bekker-obschestve-60527.html>

намерению (реагированию) необъяснимо таинственно противостоит столь же решительная преграда. Очевидно, в запрете на реагирование к нам обращено и начинается свое движение что-то из глубин тектонического устройства бытия. Пропали знакомые слова, язык, голос, жесты, суэта дней, знаки и образы привычного. Пропал язык сутолоки и однообразия, суесловия и социально-ролевого амплуа. Людской говор стал сам по себе беспрепятственно дрейфовать к какому-то краю, одновременно разверзая за собой таинственное темное «проглядывание» совсем иных просторов, неохватных, дающих понять, что повседневный уклад — лишь слабое неубедительное их прикрытие (наподобие лумановской «*области слабых сопряжений*»). Бодрствующие каким-то странным образом, захваченные неким нескончаемым сценарием бытия-понимания, мы оказались вдруг нераздельны с тем, что видим/слышим/говорим, т. е. со всем, что само оказалось слитным в своих отличиях. «*Только на основании такой захваченности можно привести всего один довод, если доводов много, то нельзя сказать, что ты захвачен всеми одинаково, что-то захватывает больше, что-то меньше*»²².

Мы понимаем *Что-то*, что звучит не оттуда, а звучит всюду и в нас — в наших ушах; слышится/видится не где-то тут или там, а всюду, в том числе и во взоре/слухе. Мы видим/слышим/говорим какое-то непонятное слово — *Слово всех слов*, причем так, как Оно пред-вещает себя внутри (в нас) и одновременно из-за горизонта мира (к нам). Оно сказывает себя через нас, для нас и для самого себя нераздельно. Оно в большинстве случаев странное, неопределенное слово (слово-вид, слово-звук, слово-голос, слово-вещь), необъяснимое и неразличимое. Линия горизонта, как только *Слово всех слов* прозвучит (проглянет) из-за нее, тут же разомкнется, обнажая беспрепятственно разрастающуюся бездонность *Его* свето/звучания.

Но возможность присутствия всего знакомого и известного, ожидаемого и привычного, возможность для сказа всех остальных слов, которые люди говорят друг другу, рассчитывая на понимание, выстраивая отношения, делая свой выбор, избегая просчетов и потерь, — открывается только в резонансе со *Словом всех слов*, неслышным и неопределенным. В отсвете *Его* всеобъемлющего «проглядывания» струится, вспыхивая, пресекающийся, но уже различимый свет. В отзвуке *Его* бескрайнего едва слышимого «говора» слышится ритмически звучащее, узнаваемое в речи. Различение различения «*именно относит, выносит на себе неопределенность, сносит...*»²³. Намереваясь *Его* означить, мы, так или иначе, означиваем само означивание, само отношение к обретшей внезапную шаткость экзистенции. Было бы крайне наивно настаивать на различении *Того*, в свете «*неравновесного приравнивания*»²⁴ к чему только и возможны различения, прояснения, означивания, именованья, определения. *Его* неслышный человеку «голос/говор» различим только в окликах, т. е. когда «он» в каком-то определенном модусе лишь окликается. Именно оклик, словно бьющийся об одни неразличимые стены и отбрасываемый от других, и есть то, что мы зовем горизонтом реальности с

22 Неретина С., Огурцов А. Реабилитация вещи. — И. д. «Мирь». СПб., 2010. — С. 218.

23 Там же. — С. 224.

24 Там же.

определенными приданными ей (но не ею) свойствами (предикация²⁵) и способами ее познания.

Как мы отличаем слово о чем-то от слова вида/слуха/голоса, бытия чем-то (кем-то), понимания что-то (кого-то), от бытия-понимания как такового? Ведь в этом базовом различии, которое нам определенным способом дано, берут свое начало все прочие различия: различия одних вещей и иных, различие нас и других людей, сообществ, природы, мира, истории и т. д. Странно, что, когда мы различаем, нас почему-то совсем не интересует, почему нам дан именно этот горизонт различения, этот масштаб, в конце концов, именно это содержание различения. Что предваряет различение, задает ему модус и тон, масштаб и соотносимость, меру и измерение?

Наше знание о свойствах реальности формируется в горизонте ее предикации. Видо/звучное *Слово всех слов* в момент беспрепятственного и безграничного, мгновенного и необратимого расширения своего бытийного горизонта будто бы «роняет» собственную/несобственную предикацию реальности и сразу же подхватывает ее обратно, но уже иную, измененную, иначе, словно с конца в начало, на противоходе своему свободному дрейфу. Достаточно было какой-то предельно малой величины времени, чтобы связи реальности и ее свойств оказались разомкнутыми, и человеческое «*бытие-в-ситуации*»²⁶ тут же перенеслось в иной сценарий сомкнутости как единственно актуальный, аутентичный, оставляя в прошлом бесконечно потенцированное не продолженное пред-действие.

Это самое пред-действие «пробегаёт» сквозь множество других сценариев, причем так, чтобы никогда не дать самому действию продолжиться, и уж тем более завершиться. Мгновенно выскальзывает одна предикация, дабы к тому же самому бытию «прилепилась» другая. *Слово всех слов*, «проглянувшее» через выскользнувшее в бесконечно потенциальные сценарии пред-действие, «окутывает» собой все вокруг. Но различение, пронзающее это «окутывание», уже сразу *выведено* в новые горизонты (но оно не создает их) с новыми спектрами реагирования и качеств, соотношениями света и материи, фона и границ, пространства и времени. Это вовсе не означает, что мы теперь можем различать *Слово всех слов*, что Оно объективировано и стало доступным. Мы постоянно впадаем в это заблуждение в своих попытках схватывания абсолютных величин. В итоге сами оказываемся схваченными бесконечным пред-действием, увязаем в его нескончаемой потенциальности, беспробудности.

Слово всех слов не может быть различено в акте различения. Когда Оно вновь «видо/звучно», столь же неслышно и незримо, то это свидетельствует об уже ином горизонте внемлемости Ему. Оброненной и тут же обратно подхваченной, и только таким способом модально измененной, является предикация, проявляющая новые свойства и качества «*бытия-в-ситуации*», смысловые вещи и сценарии, несущие в себе жажду жизни и познания, свободы и подхвата. В пронзающем различении внемлющему восприятию открывается непрерывная игра свернуто-развернутых светозвуковых

25 Мы разделяем мнение Николаевой Т. Г., понимающей под предикацией «приписывание объекту некоего свойства». «Критический анализ понятий «предикация» и «предикативность» в современной лингвистике». Филологические науки. С. 83. <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/127/82-87.pdf>

26 Мануковский В. В. «Экзистенциалы в философии К. Ясперса». <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialy-v-filosofii-k-yaspersa>

перспектив, по отношению к которым линии сгиба — изнутри звук/луч, извне фон, изнутри бегущая свето/звучо/прорезь, извне свето/звучо/носная бескрайность.

Беспрепятственно дрейфующее всеобъемлющее проглядывание *Слова всех слов* пронзается энергией взаимно-встречного со-движения (со-принятия) в уже новой, и вместе с тем всегда изначальной, возможности видеть, слышать, понимать, знать. Именно на этом противоходе «предметности, которые, конституируясь, выстраиваются член за членом, или фаза за фазой во временных процессах... позволяют себя схватить в обратном порядке созерцания...»²⁷.

Обратный порядок созерцания впервые проявляет себя в феномене. Именно в феномене, выносящем на себе необъятность и повсеместность «проглядывания» *Слова всех слов*, Оно всегда обращено к нам, что-то неслышно/незримо нам сообщает, о чем-то свидетельствует. То, что мы обнаруживаем в явлении, на самом деле случается, как событие обнаружения чего-то Иного — Того, что присутствует всюду и во всем, наступает неизменно и перманентно. Оно впервые дает о себе знать через явленное и никак иначе. Отсюда порыв, внезапность и непредвиденность, испуг, страх, вздрагивание по поводу явленного (которое в данном случае и означающее, и означаемое), меняющие модус нашей внемлемости, всецелой обращенности. Мы вздрагиваем, не зная, почему, отшатываемся, разворачиваемся и устремляемся, не понимая, от чего. Отменяется всякое прошлое время, десубъективируются/деобъективируются все прошлые события как факты, им придан статус условий и предпосылок. Время бытия всегда начинается сейчас, в данный момент, а все, что было в прошлом, лишь возможности этого начала начал, бесконечно потенцированные неостановимо бегущие пред-действия.

Поэтому, когда мы различаем нечто посреди чего-то, что-то одно среди многого, это всегда, так или иначе, происходит в со-бытии пронзания взаимно-встречного со-движения на путях «проглядывания» всеобъемлющего. Причем событие пронзания сразу происходит в модусе единства различенного. Мы не просто пробуждаемся от некоей сновидческой нераздельности к отличимости нас от всего. Мы пробуждаемся «через видение себя как свечи перед ликом солнца»²⁸, одновременно ступая в сферу пронзающего различения, выносящего на себе единство различий. Бодрствующие, мы уже сразу сопричастны событию встроенности в горизонт целого как в вектор нового времени-исчисления. Есть мысль, чтобы уснуть, есть мысль, чтобы пробудиться. Если такой мысли нет, мы не можем ни уснуть, ни пробудиться, будучи всецело захваченными бесконечно затянувшимся потенциальным пред-действием.

В *Слове всех слов* мы впервые различаем то, что на самом деле лишь вторит Ему в виде оклика, в виде струящегося в Его свете отсвета, т. е. только таким способом различаем нечто различенное. Различая, мы тем самым уже сразу обращены туда, где сквозь различенное выступает «проглядывание» как таковое, интерпретируемое затем как проглядывание различенного. Но вынося на себе необъятность и неопределенность «проглядывания», различенное дает «видеть» не себя, но иное, а именно, как «проглядывание», будучи незримо/неслышным, выносит себя само, попутно ввергая человека, то в сон, пусть даже наяву, то призывая к бодрствованию, пусть даже во сне.

27 Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. — М.: Гнозис, 1994. — С. 41. [10]

28 Батищев Г. С. Особенности культуры глубинного общения. — Вопросы философии, 1995. № 3. С. 95–129. <https://www.kph.npu.edu.ua/e-book/klasik/data/vopros/03.html>

Разрастаясь повсюду беспрепятственно, отбрасывая одну свою предикацию и тут же подбирая ее уже иной, соответственно, меняя модусы различения/пробуждения, отправляя в бесконечную потенциальность все конечное и завершённое, «проглядывание» таинственно и внезапно придает вещи смысл и назначение, и столь же таинственно и внезапно отменяет их. *«И вошел в средину... и был облаком и мраком для одних и освещал ночь для других, и не сблизилась одни с другими...»*²⁹

Субъектные наброски и их реликтовые различия. «Наблюдения первого порядка»

*«В чем-либо определенном невозможно обнять неопределенное»*³⁰. Высказывание Аристотеля из второй книги «Метафизики» не столь однозначно, как кажется на первый взгляд. Оно может способствовать выявлению приоритета для изысканий, связанных исключительно с областью определенного. В этом контексте формируются представления, согласно которым восприятие и понимание даны познающему субъекту, когда он различает определенности, причем различает в форме схватывания. Субъект, обнаруживающий себя не иначе, как в сфере определенного, уже сразу знает, что делать и как быть: он классифицирует определенное и охраняет его, по необходимости выбирает или отклоняет, использует сейчас или откладывает «на потом». Постоянное отсрочивание решений каких-либо дел, насущных, или не вполне, именуемое в психологии прокрастинацией, — не столько обстоятельства некой психической дисфункции человека, сколько факт трансцендентальной недостаточности определенного. Попытка понимания, как субъект обретает себя и как есть само определенное, уже давно остается вне поля зрения как непродуктивная. Сегодня субъект, схватывающий те или иные акты, в т. ч. акты различения, оказался одинокой заблудшей фигурой на фоне технологичного цифровизованного мира.

Какой мыслительный шаг необходимо сделать, чтобы по возможности задержаться на том моменте, с которого человек стал понимать себя как создателя и устроителя определенного, его собственника и организатора, управляющего и распорядителя? Ответ напрашивается сам собой: необходимо суметь экзистентно задержаться в неопределенном, дабы уловить «смену путей», знаменующую собой начало субъектогенеза. Данная проблематика кажется вполне формулируемой и понятной, но ее постановка все-таки недостаточно радикальна. Все дело в том, что пока мы полностью не отпустим от себя определенное и не перестанем исподволь за него держаться, пока мы всецело не примем неопределенное как единственно возможное и необходимое, лишая себя надуманной приверженности и, как следствие, будущих иллюзий и разочарований, мы никогда не увидим его онтологическую функцию.

Как есть неопределенное? Луман цитирует психолога Фрица Хайдера, задавая вместе с ним одни и те же вопросы: *«Каким образом получается так, что мы можем идентифицировать, слышать определенные звуки, шорохи, что мы можем видеть определенные вещи... что нечто имеет очертания, где-то начинается, где-то*

²⁹ Исход. 14.20.

³⁰ Аристотель. Метафизика. Книга II. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 2006. — С. 87.

заканчивается, имеет определенную форму?..»³¹ Чтобы понять, насколько актуальным может быть данное вопрошание, необходимо сначала представить себе, что оно происходит в той ситуации, из которой совсем не очевидно существование вещей, известных в их очертаниях и значениях. Когда происходит так, что мы не в состоянии локализовать (схватить) видимое/слышимое, не знаем, где начинаются и где заканчиваются границы нашего «я», явлений, вещей? Однажды мы забылись в смешении времен и пространств, причин и следствий, пути и истока, имени и действительности. И забытье это отнюдь не выглядело как нечто мимолетное и фантомное, напротив, оно оказалось продолжительным и неизбывным.

Следуя логике Лумана, отметим ключевой ориентир, который она задает любым исследовательским инициативам. Луман рассматривает всякое *определенное* как неуловимо дрейфующую комплексность измерений, намереваясь «увидеть, как эти перспективы переходят одна в другую...»³². И далее: «...мы не можем сохранять различие стабильным, а должны постоянно переходить от одного к другому, тематизируя то один объект, то другой, то одно различие, то другое»³³. О чем идет речь? Всякое определенное в контексте лумановской онтологии различения — это акт в акте, движение внутри движения, время внутри времени, предмет в предмете, жизнь в жизни, отношение внутри отношения и т. д. О каком бы различенном мы ни говорили, речь, так или иначе, всегда идет о двойной перспективе различения. Но столь же двойственная природа присуща и субъектам различения. В своем исследовании «Власть» Луман именует их «Эго» и «Альтер»³⁴. Каждое со своим различием образуют некую констелляцию субъектов и соответствующих им различений.

В теории Лумана важно отличать латентного потенциального субъекта (субъектный набросок, пред-субъект) от субъекта контингентного, составленного из нескольких пред-субъектов. Первому принадлежит первичное различение, второму, соответственно, вторичное. Луман дает дефиницию первичного различения: «Что собой представляет первичное различение? ...Здесь задействовано понятие движения, которое кажется понятием, соединяющим небытие с бытием...»³⁵. В. И. Молчанов, внесший значительный вклад в исследования проблемы сознания, также выделяет первичное и вторичное различения. «Первичное различение отграничивает определенный опыт и, соответственно, регион бытия: жизненно важное пространство...»³⁶ Что объединяет понятия первичного различения у Лумана и Молчанова? Очевидно, речь идет о некоем пред-данном сложносоставном акте. У Лумана данный пред-акт включает в себя: бытие, небытие и их соединение в движении, у Молчанова — опыт, как регион бытия, и пространство.

Мы исходим из того, что первичное различение при более пристальном рассмотрении распадается на два реликтовых бескоррелятных различения. Первое из них (назовем его *проторазличение*), вопреки и наперекор тому, от чего оно, едва отличая себя,

31 Цит. по Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 234.

32 Там же. — С. 225.

33 Там же. — С. 220.

34 Луман Н. Власть. <https://studfile.net/preview/5561029/> — С. 17.

35 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 231.

36 Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. — М.: Территория будущего, 2007. — С. 430.

*еще не успевает различить, что именно оно различает и как оно при этом есть. Второе различение (в нашей классификации — кататоническое различение), напротив, уже не успевает различить, как и от чего оно, поскольку везде и всюду различает, как оно само есть — отличное от всего. Поступки, мысли, чувства субъектного наброска проторазличения не соотносятся с ним, он не успевает их выделить из потока, не дающего остановиться и осмотреться, он их не различает как свои, понимая их как агрессию стихий, ему не хватает коррелятивности и через нее — конечности, достоверности, идентичности, самости. Он удерживает нескончаемый напор сил, не дающий остановиться и одуматься, отличить собственное противостояние от их наступления, чтобы увидеть их общий исток. Субъектный набросок кататонического различения также неизбежно нуждается в отличии, но принципиально иного рода, а именно в отличии чего-то иного, он всюду «видит» неизменность, однообразие, постоянство, безграничное и безмерное *то же самое* вчера, сегодня и завтра, сейчас и всегда. Пред-субъект проторазличия и пред-субъект кататонического различия не могут обнаружить ни себя, ни друг друга в едином лице, томясь каждый в своей имманентной неизбежности.*

Какую реальность «видят» пред-субъекты, каждый с отсутствующими коррелятами различения? Пред-субъект проторазличения *видит* мир как крайне зыбкую поверхность, непрерывно дрейфующую демаркацию, территорию фантомной устойчивости, нескончаемые метаморфозы пространства/времени, непрерывное калейдоскопичное свето-звуко-действие, видит, как элементы, некогда составляющие устойчивые предметы и образы, беспрестанно громоздятся друг на друга, постоянно жаждут новых комбинаций и соотношений. Наблюдать посредством такого восприятия и одновременно *быть* наблюдателем невозможно, нет избавления от засилья непрерывной подвижности. Между наблюдателем и тем, что он видит, нет никакой связи и нет никакого отличия. То, что видит субъект проторазличия, никак не соотносится с тем, как он сам при этом присутствует. Он не успевает чувствовать, что с ним происходит, все происходящее случается будто бы не с ним, хотя он наверняка как-то реагирует, действует.

Нечто подобное происходит и с пред-субъектом кататонического различения. Он также не знает себя, но *не знает* уже другим способом. То, как он *видит*, не прерывает и, соответственно, не преодолевает безжизненный континуум неизбежной однообразности. Ее монотонный неизменный ритм однажды становится бескрайним, бездонным, безвременным, она затягивает, из нее невозможно вырваться, она «олицетворяет» запрет на всякое стремление к чему-то иному.

До-субъектные наброски не могут сами по себе пробудиться, даже если они «видят» друг друга. Что они видят, не будучи пробужденными в ком-то третьем? Один наблюдает деструкцию другого, но при этом не ощущает, ни его, ни своей, боли; другой, напротив, что-то ощущает, но не соотносит это с тем, что видит и где находится, поэтому не понимает, не осознает свои ощущения как собственные. Отсутствующие корреляты различения не позволяют соотнести наброски прото- и кататонического различений в единую конфигурацию (контингенцию) двойной перспективы, из которой только и открывается возможность что-либо различать.

Итак, мы имеем дело с типологией первичных различений и до-субъектных структур. Оба вида реликтовых различений неизбежно противостоят чему-то и не различают, чему именно, поэтому не различают собственного различения. Нет никаких повторений и общих мест, моментов изменений, единства и целостности, времени

и пространства. Здесь нет отличия между тем, что происходит, и тем, что различается, есть лишь стремление превозмочь все, что сопротивляется и своим сопротивлением угрожает бытию. Но сопротивление лишь способствует разрастанию бытия, правда, такого, которое еще не дает никому/ничему быть. Это, скорее, «слепое» действие вне причин и следствий, субъектов и объектов, начала и конца, ощущений и понимания, это энергия принятия/противостояния, *«отповедь немого зова»*, затягивающего внутрь себя любое неповиновение и одновременно выталкивающего вовне любое вторжение, полонящая собой все пространство.

Необходимо иметь в виду, что реликтовые различия, представляющие собой *«нечто двойственное, частично объективное, частично субъективное»*³⁷, — *«вечно длящиеся акты, которые не считаются случившимися...»*³⁸, бесконечно и безначально совершаются в немотствующей дреме кататонии и потенциации. Их субъектным наброскам еще предстоит узнать друг в друге единое лицо, которое само еще должно пробудиться через них, увидеть, обрести, узнать себя. Человек ничего не может распознать, выделить, запомнить, пока им самим не окажется узанным его лицо. Но чтобы оказаться узанным, оно должно быть различено каким-то особым различием. Каким?..

Первый субъектный набросок, жаждущий прерывности и завершенности, границ и пределов, не знающий себя в своем непрерывном действовании, соотносится с кататоническим различием, а именно — с бесконечностью однообразия и оцепенения. Второй субъектный набросок, жаждущий различий в своем монотонном существовании, не знающий ничего иного, кроме безжизненного одного и того же, соотносится с проторазличием, а именно — с непрерывной и неумной изменчивостью. Посредством такой перекрестной соотнесенности субъектные наброски словно «нырнули» друг в друга, пробудив тем самым наблюдателя, который теперь действует, претерпевает, чувствует, мыслит в одном лице, от своего имени. Оба наброска, каждый по-своему, независимо друг от друга, словно «просятся» *быть* в субъекте, латентно в нем присутствовать, исполняться в нем, одновременно вырывая его из *«ночи фрустрации»*³⁹, пробуждая от затаенного сна, создавая предпосылки для его идентификации и самореферентности. Разнородные и несмешиваемые только в пространстве лица они со-присутствуют вместе и одновременно.

Что видит позванный к бытию взор, характеризуемый уже не тем или иным самостийным реликтовым различием, но их дуально организованным контингентным⁴⁰ различием? Видит *«невероятную синхронность»*⁴¹ прото-и кататонического горизонтов, их бегущую линию сгиба, прорисовывающую на его «едва застывшей поверхности» ландшафт различенного. Он озаряется преломленным в разных измерениях светом, образуя на их пересечении эффект материи, гравитации и зрячести. Благодаря сомкнутым в единство друг друга реликтовым различиям, вымеряющим

37 Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. — СПб.: Владимир Даль, 2013. — С. 147.

38 Мамардашвили М. Психологическая типология пути. — РХГИ. СПб., 1997. — С. 99.

39 Хуртак Дж. Книга знания: Ключи Еноха. — Академия науки будущего, 2009. — С. 87.

<http://oovcxovz.c4uhosting.com/category-qneydc-8/ptiytl-107.html?i=1>

40 Карелин В. «Двойная контингентность и «мистика» коммуникации». <https://syg.ma/@vladislav-karielin/dvoinaia-kontinghientnost-i-mistika-kommunikatsii>

41 Гроф Ст. «У истоков». <https://www.youtube.com/watch?v=QUKhJXB74s>

горизонт всего видимого, субъект сразу видит себя (свое лицо) и все вокруг как единый мироустроительный сценарий. Различающий взгляд уже сразу видит двойку и разнородно, т. е. видит нечто *одно и то же*, но всякий раз по-иному. Как бы различающее восприятие ни было направлено на что-то одно, оно уже сразу наделено «оптической» функцией чередования разноmodalных перспектив различения.

Как видит субъект в субъекте (контингентный субъект)? Когда он в динамических образах реальности стремится различить что-то, т. е. *найти и узнать лицо*, то это возможно из региона кататонической обездвиженности, только таким образом акт различения будет осуществлен в границах определенного способа и состава динамических признаков (предикация). Но как только субъект попытается обнаружить нечто постоянное и неизменное, то тут же окажется экзистентно «вытолкнутым» в пространство крайней подвижности и неустойчивости, откуда также будет дан определенный способ и состав признаков, но уже постоянства. Когда Луман утверждает, что «*мы не можем сохранять различие стабильным, а должны постоянно переходить от одного к другому, тематизируя то один объект, то другой, то одно различие, то другое*»⁴², — это же относится и к различающему субъекту. Его сдвоенные наброски позволяют ему как присутствовать в контингентном бытии (как отношении двух различий), которое уже не только есть, но и дает быть, так и тематизировать его. Пребывая в единстве лица, субъектные наброски попеременно/одновременно наполняют субъекта своими нравами, его способность восприятия — ракурсами и горизонтами обширных планов потенциации, его экзистенцию — возможностью выхода за пределы то одного, то другого себя.

Парадоксы двойного различения

«*Различение выстраивается в виде двойной асимметричности*»⁴³. Согласно Луману, акты раздваиваются на два пространственно/временных сценария: в одном эти акты сближаются и пересекаются, преломляясь в ландшафт различенного; в другом, напротив, самостоятельны, не смешиваемы, разноmodalны каждый со своим временем и горизонтом, пред-субъектами и их реликтовыми различениями. Лумановские элементы в одной проекции соединяются, проходят друг сквозь друга, задерживаются друг в друге, и одновременно в другой проекции распадаются, трансформируясь в волны и поток, утрачивая самостоятельность и индивидуальность. Парадокс неделимых автономных субстанций и перманентных анонимных актов, будоража интеллигибельное воображение, зачастую так и остается парадоксом. Луман настаивает на различении одного и другого, «*чтобы увидеть, как эти перспективы переходят одна в другую и от чего зависит их взаимообусловленность*»⁴⁴.

Не следует себя излишне обнадеживать, что значение термина *взаимообусловленность* сколько-нибудь прояснено в данном контексте. Когда представляют себе, как одно обусловлено другим и наоборот, то уже не допускают мысли о том, что в то же самое время продолжают иметь дело с необусловленностью, т. е. с актами, не вступившими в отношение друг к другу, происходящими каждый в своем

42 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 220.

43 Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — С. 26.
http://yanko.lib.ru/books/cultur/luman-ob_kak_soc-sistema-8l.pdf

44 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 225.

исходном реликтовом состоянии. В связи с этим становится понятной озабоченность Лумана: где находится наблюдатель (имея в виду взаимообусловленность или необусловленность актов) и, соответственно, что он при этом различает? Как удерживается на своей позиции? Потому что от расположения наблюдателя зависит как структура и горизонт наблюдаемого, так и сама возможность взаимообусловленности.

Место присутствия наблюдателя и одновременно момент обретения им способности зрячести — это отнюдь не один и тот же место-момент, хотя их совпадение порождает своего рода оптический горизонт — эффект прохождения друг сквозь друга проекций реликтовых различий. И тогда из событийного ряда первого плана второй план будет различаться как замедление его динамического потока и приостановка, разрыв его континуума на части, их уплотнение и дальнейшее элементообразование. (Как отмечает Молчанов В. И., *«индивидуальный, т. е. неделимый далее, предмет образуется в результате той или иной приостановки различий»*⁴⁵.) При этом первый план будет «конденсирован» в субъекта, с самого начала различающего устойчивые неделимые элементы (вторичное различие). Поэтому когда лумановский наблюдатель пробуждается в данном измерении, он пробуждается уже в состоявшейся комплексной способности зрячести неделимых элементов. Пытаясь различать неизбежную энергийную прото-реальность, субъект уже сразу различает нечто замедленное, разделенное, дробное, выпавшее в образовавшийся остаток в виде объекта. Создается кажимость, будто в момент различения мгновенно наслаиваются и проходят друг сквозь друга разномодальные реликтовые тотальности, одновременно проявляя рельеф и состав контингентного бытия, открывая возможности и меру того, *что и как* может быть различено. В результате открывается картина (вид) замедления проторазличения в его бесконечности и тотальности, «расслоения» на простор, свет, энергию и «место» для объектного присутствия, дающего увидеть, рассмотреть, узнать, понять, запомнить. В комплексном различении различения мгновенно «выветривается» энергия противоборства/уподобления, ее неизбежность распадается на качества, признаки, свойства, содержания, оставляя на ее месте предметно-присутствующие «вещи-глаза». К чему бы различение не «коснулось», все тут же отдаст ему свой характер, волю, энергию, самость, оставляя на месте себя уже не движения, но предметы как потенциальную прерванную энергийность.

Но если «смотреть» на все происходящее из событийного ряда второго плана, то будет наблюдаться обратная картина (правда, с невероятным экзистентным риском для самого наблюдателя). А именно: планы различий размыкаются, разворачиваются вспять последовательности элементообразования, сами элементы вновь стекаются в поток, способствуя рассредоточению и выходу-уходу вовне субъектных набросков, теней индивидуальностей. Одно, не смешиваясь, пронзается другим, проходит через другое, причем так, что ни одно, ни другое не претерпевает при этом никаких контингентных изменений, оставаясь каждое в своей исконной модальности. Наступает хайдеровская неопределенность, когда мы вновь не понимаем, *«каким образом получается так, что мы можем идентифицировать, слышать... видеть... что нечто имеет очертания, где-то начинается, где-то заканчивается, имеет определенную форму?»*⁴⁶.

45 Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. — М.: Территория будущего, 2007. — С. 431.

46 Хайдер Ф. Цит. по Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 234.

В контексте второго плана различения всякая определенность «*есть не что иное, как граница, которая прорисована в мире, так что возникают две стороны, и нужно решить, на какой стороне следует начинать операции, на какой стороне ты хочешь обозначить, «что происходит», и какая другая сторона, следовательно, «за этим кроется»*»⁴⁷.

Что же происходит, спросим мы, оставаясь в пространстве лумановского вопрошания. Еще мгновение назад вымерялись возможности *взаимобусловленности*, как тут же самоустановилась панорама контингентного различенного как того, что только оно одно и может вообще быть с самого начала и до своего исторического конца. Неистовство буйства/противостояния, будучи развеянным светоносным пространством ослабления/замедления, уже сразу понимается как даяние/принятие. Каким образом надо мыслить, чтобы в буйстве/противостоянии неуклонно «видеть» даяние/принятие? Не уходят ли истоки такого мышления в веру?⁴⁸

Проекции реликтовых различий участвуют в двойной перспективе различения налично-определенного, «окутывая» его «облаком» пространственно-временных сценариев подразумевания, неявного ожидания и преддверия, побуждения и зова, уготовляя тем самым сущностную основу будущего. Вопрошательные интенции, обращенные ко всему латентно-неопределенному, и проявленные феномен и его содержание, предмет и его материя как символические ответы, тематически не связаны со своими вопросами. Реликтовые различия ускользают от их непосредственного схватывания. Но не будь этого стремления «прикоснуться» к неохватному, воззвать к невзываемому, опросить одно, обретая иное, мы никогда не смогли бы ощутить присутствие доселе неизвестного, узнать и принять его. И вот однажды именно оно — неизвестное — внезапно и всецело открывает для нас новую жизнь. Откуда мы так хорошо понимаем, что это именно она, ворвавшаяся вихрем, или же, напротив, подступившая неприметно, никем никогда не прожитая, но почему-то сразу и бесповоротно принятая, единственная? Как можно знать то, что никогда не случилось? Как случается то, о чем не было известно?

В вопрошании о том, как есть неопределенное (т. е. реликтовые различия), мы получаем ответ в виде и посредством определенного (различенного). Каким способом? Природа реликтовых различий такова, что во имя их исконной латентности они всегда будут ускользать от вторичного различения. Намереваясь их различить и означить, мы, так или иначе, различаем и означиваем нечто иное, а именно — само различие и означивание, отчаянно пытаясь сдержать расшатывание опор нашего существования. Было бы крайне неосмотрительно настаивать на различении того, в свете «*неравновесного приравнивания*»⁴⁹ к чему только и возможны различия, прояснения, означивания. Вторичные различия словно оклики первичных, которые сами по себе постоянно ускользают. Но без этого неотвратимого ускользания и, соответственно, неизбежной попытки его усмотрения невозможно отношение двух различий, в свете которого

47 Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества. — Социологическое обозрение. Т. 6. № 3, 2007. — С. 106.

https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf

48 Железнов А. С. «Вера как практическое отношение к контингентному бытию».

<https://cyberleninka.ru/article/n/vera-kak-prakticheskoe-otnoshenie-k-kontingentnomu-bytiyu>

49 Неретина С., Огурцов А. Реабилитация вещи. — И. д. «Мирь». СПб., 2010. — С. 224.

только и случается пробуждение нас к той или иной зречести. Поэтому следует ставить вопрос не о том, как есть определенное различенное, а о том, как есть нечто, свидетельством и знаком чего являет себя определенное различенное. И тогда ответ, пришедший к нам рано или поздно, будет не тем ответом, по поводу и ради чего инициированы изыскания. Но он будет зримо-говорящей эмблемой, посредством которой к нам немо и незримо «взывает» наше предназначение.

Тупики различений

Но современный человек перестал верить в предвосхищаемое, стал цепко держаться за налично-определенное, доверяя ему свой жизненный уклад. Очевидно, человек уже больше не хочет различать неопределенное, не утруждая себя утомительными размышлениями о том, что только таким способом он может быть причастен к чему-то уникальному, забывая намеренно эту темную историю как случайную и досадную, закрывая себе доступ к созидательным силам различения, к непрерывным творческим актам, происходящим из глубин неопределенного. Обрекая себя на извечное изматывание в стремлении угнаться за лучшим из уже имеющихся выбором, где-то поджидающим, кем-то совершенным. *«Перед нами всегда стоит вопрос, что мы упустили, делая то, что нам казалось важным, и будет ли у нас впоследствии возможность снова продолжить то, что мы упустили»*⁵⁰.

Благодаря Луману мы для себя открыли, что различение различения — это нечто такое, что не предполагается и не планируется нашим усердием и предприимчивостью. Современному человеку хочется думать, что он не имеет никакого отношения к истокам того, что он видит, слышит, как-то реагирует, и только потом решает, что со всем этим делать. Ему кажется, что его задача состоит лишь в маркировке непровержимых фактов реальности, придании им т. н. «объективной оценки», дальнейшем включении в свой повседневный регламент. Чтобы не оказаться парадоксальным или, что еще хуже, противоречивым, человек ограничивается лишь однажды различенным, и то — различенным случайно и по недоразумению, в сумятице и непредусмотрительности, исключая впредь подобную опрометчивость, обрекая себя на выматывающее хождение внутри многократно хоженного. В итоге различенное искусственно задерживается в жизненном пространстве человека как нечто налично-присутствующее со всеми вытекающими отсюда отношениями собственности, статусности, права и ответственности.

Когда некое определенное задерживает на себе внимание, неприметно предлагая себя в качестве «основополагающей черты», оно тут же выводит «вне игры» многосложный сценарий динамических различений, разыгрываемый в контингентном субъекте, обрекая последнего на отнюдь не обнадеживающую участь. На какую? Читатели Лумана могут оказаться не столь внимательными к его парадоксам и метафорам, но некоторые из них обладают поистине гротескно-футуристическим контекстом. *«Мы даже человека не считаем стабильным существом: он погубит или себя, или всех сразу, или создаст с помощью генной технологии геноидоподобные существа, превосходящие его по своим способностям, и затем исчезнет в результате конкуренции со своими*

50 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 228.

*собственными творениями»*⁵¹. Речь не о том, насколько возможно или невозможно сказанное, какова вероятность его воплощения. Мы лишь подчеркиваем, что человек, держащийся за *стабильное* определенное и обращенный своими надеждами и помыслами только на него, не в состоянии спасти себя от самого же себя, какие бы у него при этом ни были высокие эволюционистские гуманистические идеи. Собственно, в определенный момент распадается «двойная перспектива» динамического различения, реликтовые различия высвобождаются в их теперь уже «монструозном облике»; человек однажды просыпается нечувствительным, не знает себя, не ведает, что творит.

Хочется проснуться, и не получается, хочется уснуть, и не можется, человек дремлет наяву, ярким тому примером как раз и служит полусонная нечеловеческая жестокость XX века. Человечество уже долго мучается от невозможности пробуждения и только усугубляет свою ситуацию. Человечество словно щипает себя, чтобы пробудиться, не замечая, что в самом щипании уже настолько переборщило, что попросту уничтожает себя, свою историю, культурные традиции, ценности, а боли так и не чувствует, не просыпается.

Но вот что интересно: мы как бы раздвоились в своем сне: с одной стороны, секунда до пробуждения затянулась до какой-то бессознательной (блаженной) бесконечности. С другой стороны, эта секунда парадоксальным образом уже давно пройдена в некоем параллельном измерении (тоже бессознательном). Человека охватывает агония предпробуждения, в которой он убивает себя и других, одновременно продолжая восхищаться эстетикой пробуждения. Как «до», так и «после» нее мы пребываем (по-разному) в сонном состоянии.

Т. е. человек жив, пока он не шелохнется (все наоборот), пока замер, пока просчитан наперед, бесконечно и неотвратимо потенциален, неизменен и невыразим. Но как только он возжелает пробуждения, поставит под сомнение собственную модель существования, отбросит все обыденное и повседневное, приевшееся неизменное, ощутит и примет в себя свет из измерения неопределенного, он словно оборвет какой-то ноющий нерв всего шаткого и привычного, все устремится в пропасть небытия. Как у Анненского: «Вот чуть-чуть шевельнулись ресницы... Дальше?!. Вырваны дальше страницы»⁵². Ужасающий парадокс! Человек словно впал в «Фундаментальный диссонанс, разрыв, пересечение и взаимодействие «речевого сознания»... что делает человека опасным и для самого себя, и для окружающей среды»⁵³.

Мы превратились в терракотовую армию спящих воинов, стоящих на страже нашего сна, и готовы на беспрецедентную жестокость, дабы его никто не смел потревожить. Современная мировая идеология сна транслирует вполне четкий посыл: чтобы жить долго и счастливо, думайте только о себе и своих семьях, не лезьте в политику, не пытайтесь вникать в законы мирового закулисья, не ищите что-то иное, помимо того, что вам говорят с экранов и прочих медийных пространств. А если вас что-то там насторожит, то мы это быстро устраним, будьте счастливы здесь и сейчас, живите сегодня, потому что прошлого нет, а «завтра» может не наступить. Человек в определенном видит идеальное, думает о нем, лелеет его, но это идеальное почему-то

51 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 218.

52 Анненский И. Стихи. <https://www.culture.ru/poems/30012/dekoraciya>.

53 Аркадьев М. Лингвистическая катастрофа. — СПб.: Изд. Ивана Лимбаха. 2013. — С. 58. https://imwerden.de/pdf/arkadjev_lingvisticheskaya_katastrofa_2013.pdf

никак не связано с самим человеком, с его бытием. Но вот что примечательно: человек при этом не видит в себе ни деструкции идеального, ни себя как ее исполнителя. А потом и приближение смерти не видит, не чувствует, не понимает, она случается будто бы с кем-то, но не с ним, потому что он ведь еще не пробудился ото сна, не начал жить, поэтому какая разница — сон это или смерть, все равно самое главное еще впереди. «Различение–слово–действие–мышление» утратили свою многоуровневую контингентную целостность и оказались в свободном самостоятельном разрозненном дрейфе каждое само по себе. В итоге у смерти отнят «голос», образ, поступь, она не может о себе сообщить, кликнуть, она превратилась в какое-то массовое производство себя, немое кино. Поэтому она не так важна, важны ее изошренные формы (включая экономические, политические и социальные механизмы угнетения). Между нею и сном нет никакого отличия. Отсюда такая беспечность по отношению к смерти и ее обликам, азарт, подхлестнутый притупленностью (как отслоенной реактивности отторгнутого субъекта) к грозящей катастрофе, распад контингентного бытия и «вышелушивание» контингентного субъекта до его полного исчезновения. *«Избери себе жизнь, чтобы жить»*⁵⁴.

Чем более субъект исключает латентный реликтовый контекст *«двойных перспектив»*, тем в большей мере отдаляются ожидаемые перемены, предвосхищение будущего, таинственная поступь прошлого вдоль всего временного горизонта жизни, на передний план выходят представления несбыточности, ощущения невозможности. Интенции субъекта распадаются на бесконечное преддверие действия и нехватку мотива в нужный момент. От положения субъекта и его обращенности зависит, какие перспективы будут фундаментальны для его бытия. В направлении чего и вопреки чему может быть обращен субъект? Каково положение и что усматривает наблюдатель, не озадаченный ничем иным, кроме как бесконечным уготовлением уже однажды различенного? Приведем слова Хайдеггера из его книги *«Основные понятия метафизики»* в контексте наших изысканий: *«Поискав принимаемые в расчет недвусмысленные характеристики (изложения, толкования) нашего положения, мы можем выделить и очень кратко обозначить четыре из них...»*⁵⁵. Перечислим имена данных *«характеристик»*, предварительно опустив авторские комментарии к ним: I — *«Закат»*, II — *«Отречение, изгнание ради освобождения»*, III — *«Уравнивание одного и другого»*, IV — *«Новое снятие противоположности»*. Как говорит затем Хайдеггер: *«Эти титулы по своему смысловому содержанию восходят к определенным основным установкам человека»*⁵⁶.

Мы говорим о положении человека. Каково оно? Очевидно, попытка *«прикоснуться»* к неохватному, неизбытно ускользаемому, воззвать к невзываемому, дабы смочь различить нечто действительно уникальное, познать и принять его, оказалась не столь успешной, коль скоро мы имеем дело с закатом, изгнанием, снятием коллизий и их примирением. Положение человека определяется его сущностной обращенностью, а обращенность вкупе со всем, что она открывает взору, диктуется значимостью традиций и культурно-историческим наследием, т. е. тем, что, охраняя известное, таинственно и ненавязчиво окутывает преддверием неизвестного грядущего.

54 Библия полная. Книга Ездры 3, 7.59. <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/3ezdr/txt07.html>

55 Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. — СПб.: Владимир Даль, 2013. — С. 120.

56 Там же. — С. 123.

Пути выхода

В своей «социологической онтологии» Луман говорит не об определенных вещах, неизменных во времени и пространстве, отныне и впоследствии. Их с неизбежностью ждут распад и уничтожение. *«Все, что приобретает стабильность, тем самым становится ненадежным, критическим и временным; оно действительно лишь на определенное время»*⁵⁷. Различное, по Луману, есть результат сопряжений различий, и если сопряжения *слабые*, то различное самостийно и непринужденно открывается как дрейф границ сгиба, пластичный контур преломлений, интерферентный узор. Открывается как динамический момент турбуленции тотальностей различий, но отнюдь не как субстантивная величина.

Различное определенное постоянно к чему-то отсылает, и не всегда к другому определенному, но, например, к взаимообусловленности формообразующих сил. Если же определенное, ограниченное собственной фактичностью, отсылает к определенному, то это означает, что доступ к *«двойной перспективе»* различия затемняется, отклоняется, потенцируется, энергии различий рассеиваются, образуя нарочито центрическую область поля зрения. Луман называет этот эффект усиления налично-присутствующего *ступенчатой функцией или генерализацией*⁵⁸. Не будучи обнаруженными в вещи, реликтовые различия в их бесконечности и безначальности словно сдвигаются за горизонт предметного бытия, по ту сторону различия, где столь же беспрестанно и так же безраздельно продолжают править энергии натиска и напора, сопротивления и уподобления. Правда, они уже правят в своем неистовстве за-предельно, под-стратно, подспудно, незримо и неощутимо, во сне неизбывной потенциации, без возможности собственной интерпретации как даяния/принятия, соответственно, без возможности веры, без предвосхищения того трепетно ожидаемого будущего, какое перестало быть слышимым в повседневной сутолоке и однообразии. Они «выветриваются», высвобождая место и простор выпукло присутствующей наличности. Ее постоянство и устойчивость скорее некие атрибутивные, «схваченные» и удержанные, как имманентные, признаки, динамические свойства вещи, опять же, ее ступенчатая генерализация.

В чем отличие лумановских слабых сопряжений от сильных? Дело не просто в приоритете одного над другим. Луман поясняет: *«Жизнеспособные, стабильные системы должны иметь слабую сопряженность, не может быть так, чтобы все зависело от всего; взаимозависимость должна прерываться»*⁵⁹. Т. е. в области слабой сопряженности нет диктата определенности и устойчивости форм и, соответственно, нет жесткой подчиненности и зависимости. Но вот что интересно: *«взаимозависимость должна прерываться»*. Каковы онтологические условия такого прерывания? *Взаимозависимость* может быть прервана, когда обнаружено, что она актуальна лишь внутри отношения двух различий, в то время как вовне этого отношения различия продолжают пребывать каждое в своем исконном состоянии. Для Лумана важно, чтобы реликтовые различия, несмотря на все изгибы и кривизну, какие с ними производит различие второго порядка, продолжали воспроизводиться в своих первичных модусах как немодифицированные. В таком случае не столько прерывается взаимозависимость,

57 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 236.

58 Там же. — С. 186.

59 Там же. — С. 235.

сколько приоткрывается ее внутренняя природа самовозобновления, аутокреации, или, как сказал бы Луман, аутопойесиса. Иными словами, пока мы мыслим взаимозависимость (взаимообусловленность) в терминах ее сторон, она как феномен рано или поздно исчезнет (прервется). Но мыслимая как некая самокреативная функция в общем пространстве отчужденных друг от друга «анонимных» актов, взаимозависимость обретает очертания самостоятельного третьего измерения, лишаящего автономности предыдущие два, обретает свое контингентное бытие, дающее быть как индивидуальному (единичному), так и всему его многообразию в целом. *«Об одном и том же речь идет два раза. Различение вступает в различенное им. ... Есть это различение теперь то же, чем оно было прежде? Есть ли еще тут то, что, было прежде? Или первое различение исчезает и становится вторым? Ответ состоит в том, что здесь можно предполагать наличие парадокса, то есть что различение, которое снова вступает в себя, есть то же самое и не то же самое одновременно и что в этом-то и состоит вся хитрость...»*⁶⁰

Лумановскую концепцию двойного различения органично дополняет понятие элемента. Из элементов состоит все сущее. Но обращает на себя внимание следующее: существование самого по себе элемента у Лумана невозможно, элемент как таковой может быть эксплицирован только в динамической связи с другим элементом. При этом данная связь (взаимозависимость) обладает признаками самостийности, спонтанности, самодеятельности. *«Элемент... не может осуществляться иначе, нежели в соединении»*⁶¹. Отдельно взятый элемент — это абстракция. Какое бы предельно элементное мы ни различали, оно, так или иначе, будет составным, результатом отношений разных актов одновременного сдерживания/распространения. Современная физика уже давно разобралась с феноменом отдельной автономной частицы как абстрактно-теоретической конструкции. *«Возьмем, например, простую частицу — электрон. Представляет ли он собой маленькую частичку материи? Допущение о том, что он является таковой и последовательно ведет себя как таковая, оказывается явно неправильным. Ведь временами он представляется облаком, состоящим из бесконечного числа возможных электронов, которое «выглядит» как одиночная частица тогда и только тогда, когда мы наблюдаем один из них... когда электрон движется таким образом, он, в действительности, не является частицей материи»*⁶².

В зависимости от сложности двойного различения нам открывается тот или иной модус «элементности», т. е. предела неделимости. Когда в какой-то момент мы вдруг обнаруживаем, что элемент уже не обладает неделимостью, а продолжает свое дальнейшее дробление, то это означает, что изменились конфигурации сложности различения. Например, свет как элемент. Свет различаем, поскольку он есть результат взаимодействия элементов, — свет словно вырывается с конца в начало на противоходе своего собственного свободного распространения. В противном случае *«свет как таковой невидим; в чистом свете ничего не видно»*⁶³. Различение света возможно посредством динамической взаимообусловленности свернуто-развернутых световых перспектив, по

60 Луман Н. Цит. по Филиппов А. Ф. Теория систем: аутопойесис продолжается. — Социологическое обозрение. Том 3. № 1, 2003. — С. 52. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sistem-autopoyesis-prodolzhaetsya>

61 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 186.

62 Амит Госвами. «Самосознающая вселенная. Как сознание создает материальный мир». <https://avidreaders.ru/read-book/samosoznayuschaya-vseennaya-kak-soznanie-sozdaet-materialnyy.html?p=4>

отношению к которым линии сгиба — изнутри луч, извне фон, изнутри бегущая светопрорезь, извне светоносная бескрайность. Наблюдатель подхвачен игрой масштабов и мер, оказываясь одновременно/попеременно в разных точках присутствия. Причем наблюдатель *«трактует свое отношение... как отношение к...»*⁶⁴ окружающему миру. Как только наблюдатель хочет идентифицировать себя, понять, кто он, он видит себя уже в другом месте. Он пребывает всюду и в каком-то отдельном месте одновременно, потому что многократные модализации различения создают картину наложения и прохождения друг сквозь друга прото-энергий различения, непрерывно меняя соотношения множества и единичности, целого и индивидуального. «Здесь-и-сейчас» наблюдателя никак не связано с конкретным местом, временем, пространством, идентификацией.

В «Исследованиях по феноменологии сознания» Молчанова имеются заслуживающие внимания размышления о природе неделимых элементов реальности. Давая понятия первичных и вторичных различений, он пишет следующее: *«Индивидуальный, т. е. неделимый далее, предмет образуется в результате той или иной приостановки различений»*⁶⁵. *«Вторичные различения — внутри определенного опыта — дают единичные или индивидуальные предметы... Достигая индивидуального, т. е. неделимого, атомарного — все эти слова лишь перевод с одного языка на другой — предмета...»*⁶⁶. Можно было бы продолжить мысль в том направлении, как оба типа различений «создают» своего рода «интерферентное линзирование», посредством чего открывается возможность различать нечто предельное, атомарное, элементное. Но то, что поясняет Молчанов, вызывает вопросы: *«Мы делаем приостановку различений: не различая далее, мы приостанавливаем опыт и входим в сферу возможных идентификаций и синтезов как сферу вне опыта, или не-опыта»*⁶⁷. По поводу замедления и приостановки. Вряд ли данные эффекты находятся в ведении человека, чтобы он мог ими управлять, скорее наоборот, все, что находится в его ведении (различения, ощущения, мысли, поступки), — итог замедления и приостановки актов. Не мы приостанавливаем различения, а они сами только и возможны в результате приостановки. Когда мы понимаем замедление и приостановку как нечто обособленное и самостоятельное, то такое понимание открывается только из одной позиции наблюдателя, из другой — то же самое совершается как комплексный динамический эффект, стремительно «складывающийся» в линию сгиба разномодальные прото-тотальности в акте их различения. Далее. *«Любое понимание общего в качестве сущностей, форм, идей и т. д. есть не что иное, как гипостазирование единичного, или индивидуального, которое само первоначально требует экспликации в качестве единичного»*⁶⁸. Хотелось бы в связи с этим отметить, что никакое единичное (элементное) не может быть различено, пока в нем не «сомкнутся» его реликтовые различия. Пока не возникнет эффект деформационного сгиба, наложения и прохождения друг сквозь друга разных актов (причем так, чтобы

63 Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. II. Философия природы. Физика всеобщей индивидуальности. — М.: Соцэкгиз, 1934. — С. 119.

64 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 186.

65 Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. — М.: Территория будущего, 2007. — С. 431.

66 Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. — М.: Территория будущего, 2007. — С. 431.

67 Там же. С. 430.

68 Там же. С. 431.

высветился горизонт их единого контингентного бытия, открывающего возможности и меры того, что и как вообще может быть различено), ни о каком единичном индивидуальном (ни в гипостазированном, ни в каком-либо ином значении) не может быть речи. К тому же, синтезу по непонятным причинам отказано в опыте. Различение и синтез участвуют (несомненно, по-разному) в многомерной конфигурации опыта, это никак не два автономных дискретных акта. Отдавая одному или другому приоритет, отделяя и абстрагируя, мы тем самым вмещаемся в эволюцию опыта, в его динамическую ткань, бесконечно его потенцируя и лишая завершенности. Невозможно быть приверженным ни различению, ни синтезу как отдельным независимым друг от друга актам, потому что и то, и иное может быть динамическими моментами одного и того же, но с разной модализацией и оптикой.

Луман утверждает: «*Всякое различие по сути является... смешением различия*»⁶⁹. Но в любом случае еще должна себя проявить граница актуальности (внимания), пробегающая вдоль смешения различений, каждый раз захватывающая и несущая в себе отражения-содержания как одних, так и других для сопоставления между собой. Меняя местами планы актуализации/потенцирования, провоцируя свободные переходы субъектов в пределах одного и того же лица, каждый раз свидетельствуя по-новому, как там обстоит дело с согласованностью и взаимообусловленностью.

Субъект действия и действие субъекта

В теории двойного различения Лумана особое внимание заслуживает *концепция субъекта* в контексте действия. Субъект, по Луману, отнюдь не постоянный и устойчивый феномен, субъект здесь понимается, скорее, как *возможность быть*, причем не только самому субъекту, но через него и контингентному бытию. Правда, названное бытие может быть оттенено т. н. «слепым пятном», оставляя субъекта либо в оцепенении кататонии, либо в дорефлексивном потоке непрерывных изменений. Это говорит о том, что субъект оказался вне зоны двойных перспектив различения, мгновенно исчерпались его ощущения, мысли, слова, он очутился в ином бытии, которое дает быть только себе, но не кому-то/чему-то.

Каким способом есть субъект вне своих субъектных различений? Луман утверждает: «*Так называемый субъект, действующий, здесь растворяется; одна его часть как раз и является “поведенческим организмом”... какую роль сыграла фантазия в том, что именно ему вменено осуществление инструментальных функций и направленного вовне поведения*»⁷⁰. Очевидно, *действующий* и субъект — не одно и то же, они, по сути, разные модализации, хотя не исключается их соединение в одном лице. *Действующий* всегда действует наперекор какой-то общей установке. Она его ограничивает, подавляет, «растворяет». «*Среда воздействует на действие только в том смысле, что... создает препятствия*»⁷¹. Но посредством того же самого действия усиливается сопротивление и концентрируется «живая энергия» противостояния, которая через формирование «поведенческого организма» и его «инструментальных функций», в конечном счете, создает самого субъекта действия. «*Под этим подразумевается... лишь то, что организм*

69 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 220.

70 Там же. — С. 30.

71 Там же.

должен совершить, чтобы поведение стало возможно, т. е. чтобы обеспечить поведенческие компоненты действия»⁷². Следует иметь в виду, что исследованиям природы действия (причем природы отнюдь не всегда социальной) мы обязаны в том числе и социологии.

«Субъект как бы конденсируется на функции контролера удовлетворительных состояний системы действия, а не только самого субъекта. Он ориентирован вовне. Как же так? Наверное, можно сказать ... что психическая система в состоянии постоянно передавать внутренние предпочтения, т. е. самосознание, сознание сознания, с помощью референций, т. е. с помощью восприятия. Если принять эту мысль, то можно увидеть, что собственно психическая деятельность, в противовес долгой европейской традиции, переносится с мышления на восприятие; и что ориентацию на окружающий мир, который здесь играет важную роль и контролируется в отношении удовлетворительных значений, можно обнаружить в восприятии, возможном благодаря психической деятельности. Ведь «поведенческий организм» может контролировать только собственные состояния... Однако психическая система может, с точки зрения наслаждения и страдания... контролировать саму себя по отношению к изменчивому окружающему миру... Итак мы снова имеем необычный двойной эффект»⁷³.

Парадокс Лумана, как нам представляется, заключается в том, что, указывая на феномен двойного эффекта, автор выстраивает свою логическую композицию так, что всегда подразумевается некий третий сценарий. По-видимому, мы имеем тут не только *необычный двойной эффект*. Образованный (консуматорный, т. е. в своей конечной стадии) субъект, противостоящий социальной среде, воспринятой в какой-то момент в качестве не расположенной к нему, вступает в конфликт с самим собой, интегрированным в эту самую среду. В результате субъект раздваивается, утрачивает себя, выпадая в некий «слепой» бессознательный «поведенческий организм». Надо полагать, это уже/еще не субъект. Как только он оказался внутри пространства противостояния, он сразу исчезает. Если рискнуть «перевести» парадоксальный вопрос-изумление Лумана на язык нашей интерпретации, то это будет звучать приблизительно таким образом: *Как же так? Неужели мы не в состоянии держать при себе различное, а вместе с ним и наше существование, в каком-то равновесном состоянии? Чем мы должны быть заняты: устройением различного, утрачивая возможности его дальнейшего различия, или устройением возможностей различия, утрачивая различное?* Луман определенно стремится найти нечто третье, что могло бы удерживать разнопорядковые акты в их единстве, едва уловимая устойчивость которого ищется посредством парадокса. Но в чем, собственно, парадокс?

Всмотримся более пристально в феномен *действия*. По Луману действие — это своего рода досубъектный акт, пробуждающий в определенный момент «поведенческий организм» как предпосылку субъекта. «Чистое» действие, или действие как таковое, понимается как экспрессия противостояния/противодействия. Луман исходит из того, что процесс субъектообразования через действие («поведенческий организм») *«может контролировать только собственные состояния»*. Т. е. данный процесс уготовляет экзистенцию субъекту как некую постоянную величину на фоне его сущностной неопределенности. Субъект ничего не знает о реальности, в которой «чистое действие»

⁷² Там же.

⁷³ Там же. — С. 31.

совершается как тотальное противостояние, поскольку он пробуждается лишь в самом конце этого противостояния, т. е. пробуждается только в контексте отношения к своему различенному в соответствующем модусе различения. Можно предположить, что речь идет о трех самостоятельных итерациях субъектогенеза: 1) «чистое действие» как всецелое противостояние, 2) «живая энергия» *«поведенческого организма»*, 3) пред-субъект действия. Внутри границ, за пределы которых вынесен субъект, «проигрывается одна и та же партитура» субъектообразования, причем субъект ничего не знает о своем периодическом исчезновении и появлении, он лишь постоянно колеблется между одним и другим, поскольку и одно, и другое «вынесено за скобки» его экзистентной дискретности.

Субъект как (а) непрерывное колебание от «чистого досубъектного действия» к предпосылке субъекта — и обратно, и субъект как (b) поступательное движение от его идентификации к еще более сущностной идентификации. По сути это два разных субъекта. Разных как в пространственно-временном, так и в регионально-бытийном планах. Между ними *«не существует никаких отношений, никаких оперативных связей»*⁷⁴, они не знают друг друга. Но, тем не менее, они функционируют синхронно. При этом принцип их синхронности не поддается экспликации, при всем том, что их автономные акты (*подстратные самодвижения*) совершаются в строгой взаимной корреляции. Стоит первому субъекту прервать свое неизбежно-противостоящее действие, как второй (различающий) тут же погрузится в сон кататонии (через исчезновение различенного).

Когда корреляция актов необъяснимо очевидна, при столь же очевидной их автономности и «оперативной закрытости» по отношению друг к другу, у Лумана появляется идея, пронизывающая его тексты с разной степенью оформленности и завершенности, с не всегда понятной патетикой и парадоксальностью. Суть этой идеи в том, что в двойных перспективах различений мы имеем дело еще и с третьим актом. Корреляция двух невозможна, если третий не коррелирует с первыми двумя. Когда Луман объясняет, как ему кажется, простые очевидные вещи, все равно получается противоречиво и запутанно. Потому что он зачастую пытается все свести исключительно к двойному эффекту. Вот один из таких примеров: *«Нервная система служит лишь наблюдению за организмом или, возможно, за самой собой. Она полностью герметична и только благодаря эволюции, эволюционному отбору адекватна условиям окружающего мира»*⁷⁵. Говоря об организме и окружающем мире, Луман с неизбежностью вводит третье звено — «наблюдающую нервную систему», отвечающую за согласованность первого и второго. Луман подразумевает более сложную комплексность различения, нежели говорит о ней, она лучше «слышна» в его вопросах-парадоксах, чем в его ответах. Исходя из этого, в лумановских *двойных перспективах*, как нам представляется, просматриваются все-таки три акта: 1) первичные различения (энергичная протореальность реликтовых различений), 2) вторичные различения (различения различений), 3) действие (стимул — реакция). Если первый и второй акты коррелируют между собой, то этим они обязаны третьему. Если первый и второй совершаются в разных модусах, но в одной плоскости, скажем, горизонтальной, то третий, пронзая их вертикальным сгибом, создает для себя возможности их взаимообусловленности и сопряженности. Речь идет о двух

74 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 95.

75 Там же. С. 31.

несопоставимых сценариях, единство которых удерживается третьим. Каким способом есть это тройное отношение?

Лумановское различие различий разворачивается в двойных перспективах. Напомним, из горизонта первой перспективы вторая различается как замедление ее протосценария, а именно, разрыв его континуума на элементы и их дальнейшее комбинирование. Замедление потока, знаменующее собой начало элементообразования, и различие различенного — тенденции, высвечивающие предмет исключительно на противоходе направлений перспектив. Первая перспектива служит местоположением наблюдателя, изначально различающего устойчивые неделимые элементы в их соотношениях (вторичное различие). Когда пробуждается наблюдатель, он пробуждается уже всегда к состоявшемуся соотношению элементов различенного. При этом генезис как элементов, так и возможности их различения остается «за кадром». Но из событийного горизонта второй перспективы в первой все происходит наоборот: последовательности элементообразования разворачиваются вспять. Элементы «стекаются» в поток и устремляются обратно в протосценарий, способствуя сращению элементов, упразднению всякого индивидуального, в т. ч. и наблюдателя как единственного лица. Почему Луман все время настаивает на таком местоположении наблюдателя, откуда он не может совершить никакого действия, где происходит, по сути, «блокировка наблюдения»⁷⁶, где он не различает ничего отдельного, прерванного, замедленного, где он сам подвержен непрерывной деструкции как самобытное лицо (забвение, сон, смерть)? Какая при этом открывается перспектива наблюдения? Только из положения, откуда неразличимы время и пространство, действие и причина, имя и действительность, «видно», как что-то третье создает собственную гравитацию, удерживает лумановские двойные различения в их взаимной корреляции, втягивает их друг в друга, не дает распасться их единству, удерживает их общую границу, вычерчивает сквозь них линию «небесного экватора», набрасывает выпукло-материальную пластичную панораму. И это что-то в последний момент еще каким-то способом должно пробудить наблюдателя посредством его различий, «сдвинуть» его туда, где он может там встретить *свое* лицо, соответственно, узнать себя как отличного от всего.

Итак, имеется некий экзистентный сценарий, в котором анонимный субъектный набросок проходит снова и снова в одном и том же направлении этапы самокреации: от действия как экспрессии самостийных витальных энергий до субъекта — собственника своих действий. Этот крайне подвижный внутри себя круговой горизонт может реагировать на внешние воздействия лишь замедлением, приостановкой и дальнейшим продолжением самостоятельного сценария субъектогенеза. Именно в момент замедления и «приостановки» бесконечно повторяющегося движения над *двойными перспективами* «проходит» лумановское *слепое пятно*. И наоборот, наблюдатель может что-то различать на «экранах» *двойных перспектив* при возобновлении движения внутри экзистенции субъекта.

Непрерывное и автономное самодвижение внутри экзистенции «выставляет» за пределы себя субъекта с его предикацией, генезисом и идентичностью, сохраняя внутри досубъектное «чистое действие» в его бесконечном сбывании. Луман предлагает «на

76 Крейк А. И., Комф Е. В., Карпова И. П. «К вопросу об использовании понятия «наблюдатель» в научном дискурсе Никласа Лумана». <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13175>

время вызвать наблюдателя, чтобы потом снова позволить ему удалиться»⁷⁷. К чему такие экзотические манипуляции с субъектом, коль скоро они итак «заложены» в его природе? Все дело в том, что его контингентное бытие уже предполагает взаимную деформацию перспектив различений как итог сближения несводимых друг к другу прото-сценариев, создающих «сшиваемую» поверхность — изнутри неустойчивую и разомкнутую с чередованиями забвений и пробуждений субъекта, извне константную и непрерывную с его нарастающей и непрерывной зрячестью (лумановская *генерализация*). Сгибы и разломы внешних по отношению друг к другу прото-перспектив устроят для субъекта контингентное бытие, во имя полноты и непрерывности которого субъект вынужден то появляться, то исчезать, опираясь одновременно на разные сюжетно-бытийные основания, ничего об этом не зная. С точки зрения различения он обретает собственную зрячесть, одновременно замедляясь-пробуждаясь на поверхностях сгиба бескоррелятных перспектив, высвечивающих для него нечто различенное.

Структурная сопряженность

Понятие *структурной сопряженности* Луман заимствует у Умберто Матураны и Франсиско Варелы⁷⁸. Лумановское понятие «*структурной сопряженности*», парадоксальным образом раскрывая собственные смысловые поля, столь же парадоксально «упирается» в собственные тупики. Так происходит вследствие того, что социологическая теория, так или иначе приближаясь к онтологии, не может ее принять, будучи не в состоянии отредактировать свой дискурс. Описывая феномен *структурной сопряженности*, Луман использует различие «оперативной закрытости системы» и «окружающего мира». «*Эта проблема становится еще более острой, если мы исходим из того, что отношения между системой и окружающим миром — это не нечто случающееся время от времени, но связано с самим понятием системы. Ведь понятие системы является понятием различия; это... форма с двумя сторонами, где на одной стороне расположена система, а на другой — окружающий мир. И если соединить эти две понятийные стратегии, то возникает вопрос, как система связана с окружающим миром и насколько точно системная теория может представить эту зависимость в своих понятиях*»⁷⁹.

Надо признать, Луман не всегда видит третье измерение как корреляцию двух — в данном случае «системы» и «внешнего мира». Мы исходим из того, что вторичное различение является эмерджентным результатом отношения первичных разномодальных различительных актов. Причем сам этот результат «выглядит» как мгновенный эстампаж, бегство различения в направлении, противоположном бегущей линии сгиба измерений реликтового «хаотического шума», «*маркирование надреза... — след, который оставило за собой нечто (более) не видимое*»⁸⁰. Луман незаслуженно игнорирует феномен

77 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 231.

78 Матурана У. Цит. по Капра Ф. Скрытые связи. — М.: София, 2004. — С. 56–60. <https://vikent.ru/enc/2087/>

79 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 122.

80 Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества. — Социологическое обозрение. Т. 6. № 3, 2007. — С. 107.

https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf

«хаотического шума в окружающем мире»⁸¹, поскольку прото-различия — не просто первичные звуко/свето/образы, внутри которых что-то стремится быть различным, но, скорее, метафоры, дающие «слышать/видеть» неотличимо бытийную «тектоническую» подвижность как предпосылку различия. «Прежде всего, я не устаю повторять: окружающий мир не детерминирует структуры системы. Структурные сопряженности не детерминируют состояние системы. Они лишь обеспечивают систему нарушениями... Структурные сопряженности активируют резонанс системы»⁸². Онтологические прозрения Лумана порой упираются в ограничения, присущие социологической теории; не хватает совсем немного, чтобы дотянуть до принципа «фундаментальной недетерминированности мира»⁸³, суть которого состоит в следующем. Во-первых, никакие прото-измерения сами по себе не являются объективной данностью, что, впрочем, не мешает им быть ее условием. Во-вторых, то, что Луман именует нарушениями и искажениями системы, а мы вслед за ним — деформациями и изгибами первичных различий, — и есть образованная посредством объективации собственно *структурная сопряженность*; ее противоходы и противонаправленность, деструкции и преломления, изменения и обновления — условие и способ ее бытия. Преломляются друг в друге не прото-измерения первичных различий, а их проекции в горизонте *структурной сопряженности*. Поэтому, в-третьих, сама *структурная сопряженность* как таковая не может активировать что-либо вне ее границ, в т. ч. «резонанс системы». Но посредством своего внутреннего резонанса она может ее заново потенцировать.

Вне конфигураций актуальности первичных различий, т. е. за пределами нашей зречести, продолжают сбываться бесчисленные прото-сценарии со всеми возможными вариантами их взаимной сопряженности. Но стоит попытаться различить «хаотический шум» и «световое эхо»⁸⁴ реликтового синкретизма, как перед наблюдателем проявится только единственно возможный актуальный вариант (выбор) различий, выраженный в предмете, в его объективных свойствах и качествах. Т. е. «это как раз не означает, что... предметы непременно «существуют» уже и тогда, когда они не наблюдаются»⁸⁵.

Прото-энергии первичных различий сами по себе не замедляются и не застывают, не пересекаются и не образуют сгибы и деформации. Они всегда внешни и чужды друг другу. То, что в них происходит, — бесконечное сбывание разных потенциальных сценариев каждый с собственным метафорическим языком описания. Каким способом и на каких основаниях возможно их единство? Эффект замедления и застывания, пересечения и сгиба вызван неким третьим актом, всякий раз по иному связывающим автономное и несопоставимое между собой. Этот третий акт — своего рода меч Александра, разрубающего «гордиев узел» неопределенности⁸⁶. Во внутреннем

81 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 123.

82 Там же. С. 128–129.

83 Nakedscience. № 51. Август — сентябрь 2020. «Квантовая запутанность — королева парадоксов». <https://naked-science.ru/article/nakedscience/kvantovaya-zaputannost>

84 Ксенофонтова А. «Ключ к параллельным мирам: о чем говорится в последней работе Стивена Хокинга». <https://russian.rt.com/science/article/494293-hoking-rabota-parallelnye-miry>

85 Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — С. 24. http://yanko.lib.ru/books/cultur/luman-ob_kak_soc-sistema-8l.pdf

86 Метафора, примененная Фредом Аланом Вольфом в предисловии к книге Госвами А. «Самосознающая вселенная»:

дискурсе двойное различение различает автономно различенное (индивидуальное). Во внешнем — различенное утрачивает свою самостоятельность, поскольку само есть следствие измененного модуса двойного различения, его структурного кода актуальности. Как есть различенное, коль скоро оно, с одной стороны, эффект сопряжения, с другой — «оперативно закрытая»⁸⁷ нередуцируемая определенность? В своей книге «Высший замысел» выдающийся физик современности Стивен Хокинг пишет следующее: «Согласно принципам квантовой физики, которая является точным описанием природы, частица не имеет ни определенного положения, ни определенной скорости, до тех пор, пока эти величины не измерены наблюдателем. Стало быть, неправильно утверждать, что измерение дает определенный результат только потому, что измеряемая величина имела это значение во время измерения. На самом деле в некоторых случаях отдельные объекты даже не существуют сами по себе, а существуют лишь как часть ансамбля»⁸⁸.

4 марта 2018 года, за десять дней до своей смерти, Стивен Хокинг совместно с физиком Томасом Эртогом отправил в научное издание *Journal Of High Energy Physics* статью *A Smooth Exit from Eternal inflation* («Плавный выход из вечной инфляции») ⁸⁹. В работе речь идет о том, что видимый нами космос — лишь одна из многих вселенных, а мир является сложной голограммой, проекцией информации, хранящейся на двумерных плоскостях. «Параллельные вселенные... существуют, но каким законам физики они подчиняются, сказать сложно»⁹⁰.

Чтобы увидеть, насколько проблематика современной физики близка нашим изысканиям, обратим внимание на феномен «квантовой запутанности». В чем состоит его содержание? Сама «запутанность нелокальна, и изменение объекта в одном месте мгновенно — и без всякого очевидного взаимодействия — меняет другой объект совершенно в другом. Теоретически мы можем отнести одну из запутанных частиц хоть на другой конец Вселенной, но все равно стоит нам «коснуться» ее партнера, оставшегося на Земле, и вторая частица откликнется моментально. Самому Эйнштейну поверить в это было непросто, и спор его с Нильсом Бором и коллегами из «лагеря» квантовой механики стал одним из самых увлекательных сюжетов в современной истории науки»⁹¹.

Если попытаться прояснить феномен «квантовой запутанности» в контексте интерпретации Лумана, то принципиально иные физические свойства и меры различенного в рамках одной и той же объективности возможны в новом деформационном наброске реликтовых различений, в котором мгновенно исказилась

<https://avidreaders.ru/read-book/samosoznayuschaya-vseleennaya-kak-soznanie-sozdaet-aterialnyy.html?р=4>

87 «Оперативно закрытая система» — понятие социологии, активно применяемое Луманом, призванное раскрыть самостийность того или иного содержания, несводимого к составляющим его актам. (Прим. автора.)

88 Хокинг Ст., Млодинов Л. «Высший замысел».

https://elementy.ru/bookclub/chapters/431557/Vysshiy_zamysel_Glava_iz_knigi

89 Теляшев Д. «О чем последняя статья Стивена Хокинга».

<https://www.buro247.ru/lifestyle/obshchestvo/20-mar-2018-hawking.html>

90 Старобинский А. «Игра воображения»: Как Стивен Хокинг переосмыслил теорию Большого взрыва». <http://l24.lt/ru/raznoe/item/245380-igra-voobrazheniya-kak-stiven-khoking-pereosmyslil-teoriyu-bolshogo-vzryva>

<http://l24.lt/ru/raznoe/item/245380-igra-voobrazheniya-kak-stiven-khoking-pereosmyslil-teoriyu-bolshogo-vzryva>

91 Naked science. № 51. Август — сентябрь 2020. «Квантовая запутанность — королева парадоксов». <https://naked-science.ru/article/nakedscience/kvantovaya-zaputannost>

и схлопнулась прошлая пространственно-временная структура опыта. Расположенные в разных концах вселенной, но синхронно действующие, кванты в ином пространственно-временном модусе оказались, напротив, на минимальном расстоянии друг от друга. Но это вовсе не означает, что необозримая вселенная сжалась до размера атома, как это представляют себе физики. В соответствии с принципом фундаментальной недетерминированности вселенная сама по себе не сжимается и не расширяется. В какой-то момент акта различения «срывается» измерение новой сопряженности как тот же самый объективный мир, но уже с другими искажениями пространства-времени, с измененными соотношениями прозрачности и выпуклости, света и тьмы, места и протяженности, последовательности и одновременности, масштаба и горизонта, длительности и мгновения, фона и границ, материи и движения. «*Есть это различие теперь то же, чем оно было прежде? Есть ли еще тут то, что было прежде?*»⁹² — спрашивает Луман. В событии сопряженности прото-различений создаются предпосылки еще более радикальной «*оперативной закрытости*». Принципы коррелятивности «спутываются», возрастает их комплексность, усложняется контингентность. Динамическое единство вступает в противоречие с вновь образуемой нелокальностью актов, анонимность которых обретает поистине inferнальные очертания, и обособленностью элементов.

В контексте сказанного весьма сомнительно столь весомое для современной физики открытие феномена расширения вселенной, а также не менее «драматичного» противостояния гравитации и энергии вакуума (темной энергии). Скорее это следствие сложносоставного акта двойного различения в его тройкой корреляции.

Аутопойесис как высшая динамическая форма единства различий

Аутопойесис — пожалуй, самое противоречивое и неоднозначное понятие в системной теории Лумана. Аутопойесис (от греч. — «сам создаю, производжу») буквально означает само-создание или создание себя через себя самого. Понятие аутопойесиса Луман также заимствует у Умберто Матураны и Франсиско Варелы — основателей т. н. Сантьягской школы. Как она трактует аутопойесис? «*Определяющей характеристикой аутопойетической системы является то, что она претерпевает непрерывные... изменения, при этом сохраняя... организационную модель*»⁹³. О чем нам это говорит? Мы опять имеем дело с остро переживаемым Луманом парадоксом различения. В чем его суть? Напомним, мы различаем нечто как таковое само по себе — единичное и неделимое, определенное и конкретное, не испытывая при этом никаких экзистентных трудностей. Вот оно — различенное, а вот мы — различающие. Но как только мы намерены различить само различение, то сразу оказываемся в некой турбулентии форм и идентификаций, мер и измерений, попутно утрачивая собственную, некогда неизбежную, позицию наблюдателя. Возникает ситуация неопределенности,

92 Цит. по Филиппов А. Ф. Теория систем: аутопойесис продолжается. — Социологическое обозрение Том 3. № 1, 2003. — С. 52. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sistem-autopoyesis-prodolzhaetsya>

93 Цит. по Капра Ф. Скрытые связи. — М.: София, 2004. — С. 56–60. <https://vikent.ru/enc/2087/>

парадоксальности, толкающая нас к тому или иному выбору, к той или иной спасительной приверженности.

Преодолевая с некоторой степенью успешности искушение приверженностью, Луман стремится максимально приблизить и по возможности удержать независимые и равнозначные стороны парадокса, тем самым усиливая его самого и нагнетая. И затем “развернуть” и разнять их в различении⁹⁴. «Нужно только смочь — а ни о чем ином и не говорит отсылка к парадоксу как конечной формуле всех наблюдений и описаний»⁹⁵ Какую картину открывает столь невероятная попытка, если только мы понимаем парадокс не только как фигуру речи? Разворачивается динамическая панорама непрерывно движущейся демаркации, каждый раз расставляющей новые пары различий. Например, излюбленный Луманом парадокс свободы и зависимости. По мере того, как различение стремится к различению безусловной свободы, на уровне первичного функционирования продолжают обусловленные собственным сценарием бессознательные акты. Всякое изменение концепта обусловленности возможно лишь в той мере, в какой возможна постоянная устремленность к самой безусловности. Мы имеем дело, таким образом, с неким самодвижущимся различением, стремящимся в пределе различать только самого себя и почти достигающим своей цели, а именно — различать посредством различения чего-то исключительно собственное различение⁹⁶. «И снова мы должны наблюдать наблюдателя»⁹⁷, — говорит Луман. Но мы не можем наблюдать наблюдателя, пока он сам что-то не начнет наблюдать. Т. е. мы наблюдаем наблюдателя, постоянно отстраняясь от того, как и что он наблюдает.

Одним из способов предельного нагнетания парадокса двойного различения для возможности присутствия (пусть даже шаткого) в динамическом измерении различения является лумановский аутопойесис. «Аутопойесис... определяется... способностью к самоидентификации и самообновлению...»⁹⁸ Иными словами, аутопойесис — это изменения как таковые, непрерывные, «взятые» в «чистом» виде, т. е. безотносительно к тому, что и как подвержено изменению. С другой стороны, это постоянное создание новых связей и отношений в рамках некой автономно функционирующей определенности.

Но вот что интересно: феномен аутопойесиса максимально раскрывает себя, когда предпринята попытка высвобождения его самостоятельного содержания из биологического, социологического или какого-либо иного прикладного контекста. Как справедливо отметил Филиппов А.: «Понятие аутопойесиса и недооценивают (не понимают его радикальности, не видят, что здесь происходит решительный разрыв с традицией онтологической теории познания), и переоценивают (не видят, что его объяснительная ценность, особенно в социологическом контексте, ничтожна)»⁹⁹.

94 Луман Н. “Что происходит?” и “Что за этим кроется?”. Две социологии и теория общества. — Социологическое обозрение. Т. 6. № 3, 2007. — С. 101.

https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf

95 Там же. С. 102.

96 «Наблюдатель никогда не способен одновременно и наблюдать то различение, которое он использует... и обозначать нечто». Беккер Дирк. «В обществе — об обществе». <https://scibook.net/obschaya-sotsiologiya-kniga/dirk-bekker-obschestve-60527.html>

97 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 97.

98 Новоселова Г. Г. «Сущность и эволюция понятия «аутопойесис».

<http://www.dy.nayka.com.ua/?op=1&z=634>

99 Филиппов А. «Теория систем: аутопойесис продолжается».

<https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sistem-autopoyesis-prodolzhaetsya>

Очевидно, в случае аутопойесиса мы имеем дело с той ситуацией, когда эмпирический, практический, сравнительный подходы только ограничивают динамическое содержание понятия. *«Речь идет об аутологическом, самого себя имплицитующем, однако же и самого себя дезавуирующем понятии»*¹⁰⁰. Как вообще возможна экспликация аутологического понятия? Не окажется ли экспликация моментом самого этого понятия? Луман предупреждает, что аутопойесис неопределим в принципе. Надо полагать, аутологическое понятие должно раскрывать себя только в корреляции с собственным внутренним динамическим моментом. *«Описание этой ситуации некоторым образом саму ее и подтверждает, а значит, является аутологической операцией»*¹⁰¹.

В полемике с Матураной Луман обращает внимание на отношения аутопойесиса к структурной сопряженности. *«Структурная сопряженность не пересекается с аутопойесисом системы. Матурана иногда формулирует это таким образом, что структурная сопряженность “ортогональна” аутопойесису, т. е. нет такого переноса причинности из сферы структурной сопряженности в сферу аутопойесиса, который можно было бы назвать каузальным законом»*¹⁰². И еще один немаловажный комментарий: *«У Матураны мы читаем, что все структурные сопряженности совместимы с автономией и аутопойесисом... Структурная сопряженность может принимать любые формы, если она совместима с аутопойесисом...»*¹⁰³

Это, пожалуй, самое сложное место не только у Лумана и Матураны, но и в любой теории, так или иначе, исследующей феномен различения в его двойной перспективе. Сложность состоит в том, чтобы описать, как возможно отношение к тому, что само есть в результате отношения. И речь идет даже не столько об отношении в отношении, сколько о двух модализациях одного и того же отношения. Одно различие является результатом отношений прото-различений, другое — результатом отношения к самому себе. Необходимо выяснить, как соотносятся между собой данные различия. Структурная сопряженность, являющаяся феноменальным эстампом отношений первичных различений, вступает в отношение к аутопойесису. Важно помнить, что вид и характер взаимодействующих сторон отношения приоткрываются только в контексте отношения, при этом оно не создает, но лишь проявляет их вид и характер. Следовательно, в отношении внутри отношения должно проявиться то, что само дает проявить, дает быть.

Луман ставит вопрос: *«Зачем знание о том, что скрывается, вводят обратно в общественный мир фактов?»*¹⁰⁴ Как нам представляется, «камнем преткновения», о который постоянно «спотыкается» теория аутопойесиса, является даже не столько то, что аутопойесис настойчиво ищут в прикладных исследованиях (т. е. вообще ищут в чем-то), сколько то, что в акте его различения каждый раз опрокидывается всякая опора поиска, кардинальным образом меняется структура соотносимости, масштаб и горизонт

100 Луман Н. "Что происходит?" и "Что за этим кроется?". Две социологии и теория общества. — Социологическое обозрение. Т. 6. № 3, 2007. — С. 116.

https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf

101 Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — С. 30.

http://yanko.lib.ru/books/cultur/luman-ob_kak_soc-sistema-8l.pdf

102 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 124.

103 Там же. С. 124.

104 Луман Н. "Что происходит?" и "Что за этим кроется?". Две социологии и теория общества. — Социологическое обозрение. Т. 6. № 3, 2007. — С. 106.

https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf

различения. Но мы этого не видим и продолжаем отслеживать признаки аутопойесиса в какой-то области исследований, не понимая, что стали на ложную тропу его нелепой и бессмысленной апологии, не замечая, как превратились в ловцов теней. Все дело в том, что, будучи обнаруженным в чем-то, аутопойесис более не нужно искать еще раз, он уже найден, пусть неявно и ненадолго, теперь, чтобы его «удержать», следует высматривать исключительно в нем те или иные явления мира. Потому что *«только на основании такой захваченности можно привести всего один довод, если доводов много, то нельзя сказать, что ты захвачен...»*¹⁰⁵.

Насколько мы готовы к тому, что после различения аутопойесиса мы уже не застанем на «предыдущем месте» знакомый и известный нам *общественный мир фактов*, но с неизбежностью его утратим, одновременно обретая совсем иного рода связи и отношения, факты и достоверности (как единственно актуальные)? Ведь аутопойесис выскользнет из поля «незримого зрения», как только мы прекратим «держат» свою эзистентцию в его непрерывно меняющемся фокусе, в его игре мер и масштабов пространства-времени, замечать где-то там, на периферии мерцающую вереницу превращений целого, но однажды всмотримся в налично присутствующее, так и не вспомнив, свидетельством и знаком чего оно является. И вот мы уже не знаем, как вообще есть аутопойесис, как возможно его бытие. Откуда «приходит» эта «слепота», надолго заслоняющая собой то, что едва было различено?

Когда различенное уже не обладает единичностью/индивидуальностью, а начинает распадаться, множиться, «прятаться», исчезать, на его «месте» рано или поздно высвобождается *«хаотический шум»*, но уже с иной пред-субъектной интуицией бесконечности и безмерности. Он затягивает в себя, одновременно отменяя устоявшийся модус различения, и тогда мы сталкиваемся с т. н. онтологическим парадоксом. Будучи элиминированной, *структурная сопряженность* оставляет вторичное различение немодусным, безвременным, бескоррелятным, подвешенным. В мгновении бескоррелятности вспыхивает новый деформационный узор реликтовых различений, несущий столь же объективные, но принципиально иные физические свойства и меры различенного. Вторичное различение теперь уже в своей последующей итерации (*«знаменитое re-entry «повторное вхождение» у Спенсера Брауна»*)¹⁰⁶ «не замечает» изменения свойств различенного, не различает самой этой подмены. Повторное различение¹⁰⁷ словно «перепрыгивает» через гегелевское *«небытие инобытия»*¹⁰⁸ — не «видит» его, «накидывает» над его пропастью *«мембрану сознания»*¹⁰⁹, уготовляя новые меры различения, осуществляя *«переход к различиям другого типа»*¹¹⁰. *«Это не означает, что “немаркированное пространство” “всего возможного” может исчезнуть*

105 Неретина С., Огурцов А. Реабилитация вещи. — И. д. «Мирь». СПб., 2010. — С. 218.

106 Филиппов А. «Теория систем: аутопойесис продолжается».

<https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sistem-autopoyesis-prodolzhaetsya>

107 «Речь идет о «повторном входе» некоторого различения в то, что было с его помощью отличено». Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — С. 24. http://yanko.lib.ru/books/cultur/luman-ob_kak_soc-sistema-8l.pdf. «Есть еще вторая операция, а именно конфирмация, подтверждение: если мы что-то повторно используем, это должно подходить к новой ситуации». Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 344.

108 Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х томах. Том 1. — М.: Мысль, 1970. — С. 181.

109 Хуртак Дж. Ключи Еноха. — Академия науки будущего, 2009. — С. 152. <http://oovcxovz.c4uhosting.com/category-qneydc-8/ptiytl-107.html?i=1>

в «маркированном пространстве» актуально обозначенного. Ведь оно конституирует актуальное как раз благодаря тому, что переступает через него»¹¹¹.

Выделим ключевые моменты отношений структурной сопряженности и аутопойесиса по Луману-Матуране. Во-первых, структурная сопряженность не пересекается с аутопойесисом, но ортогональна ему. Во-вторых, подразумевается такая совместимость, при которой принципы каузальности одного неприменимы к другому. Если условием и способом бытия структурной сопряженности служит эффект деформаций и сгибов первичных различий, их противогодов и противонаправленности, деструкций и преломлений, то в случае аутопойесиса речь идет о *бытии* чистыми непрерывными изменениями/обновлениями. Как оно есть?

Бытие чистыми непрерывными изменениями (аутопойесис) есть не вопреки и наперекор чему-то исходному, оно есть само из себя в динамической синхронности моментов его самодвижения. Будучи перманентно устремленным к своему иному, оно неизбежно устремлено к себе самому. Как только оно приблизилось к различению себя, сразу переключился «регистр» модальностей, каждый раз дающий вслушиваться и прозревать там, где еще мгновение назад царило безмолвие неопределенности, простирался горизонт латентного. И снова «исчисление... не может учитывать наблюдение»¹¹², поскольку вторично различенное уже изменено в своих мерах различения и само пока не исчислено. Наблюдатель очутился в таком сценарии, где различаются предметы в той же перспективе всеобъемлющего и единичного, в таком же горизонте бескрайнего дальнего и приближенного близкого, но с иными масштабам и мерами исчисления. Наблюдатель не встроен в этот масштаб, пока не знает о своем существовании, но как только обнаруживает себя, сразу становится ясно, что сам «наблюдатель есть различение, а именно, различение наблюдателя и того, что он наблюдает»¹¹³. Иными словами, наблюдатель Лумана различает ровно настолько, насколько постоянно запаздывает различать собственное различение. Но в стремлении его различить сам мгновенно «соскользнет» в тень «слепого пятна», в «unmarked space». «Наблюдатель должен... сначала расцепить наблюдаемое, чтобы суметь обозначить нечто... Делая это, он одновременно отличает себя самого (как то, что остается немаркированным) от того, что он наблюдает»¹¹⁴.

Аутопойесис соотносится со структурной сопряженностью так, что все время отталкивает ее (ортогонально) от себя. Разделяющая их граница крайне подвижна и динамична, она сворачивается в своем уже известном масштабе и тем же самодвижением одновременно разворачивается в новом горизонте, у которого еще нет мер индивидуальности и бесконечности, единичного и целого. Столь динамичная подвижность бесконечных формообразований откликается на неизбежное само себя различение, которое каждый раз иное. Оно непосредственно не связано («не

110 Молчанов В. Исследования по феноменологии сознания // Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. — М.: Территория будущего, 2007. — С. 431.

111 Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — С. 30. http://yanko.lib.ru/books/cultur/luman-ob_kak_soc-sistema-8l.pdf

112 Луман Н. "Что происходит?" и "Что за этим кроется?". Две социологии и теория общества. — Социологическое обозрение. Т. 6. № 3, 2007. — С. 106.

https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf

113 Там же.

114 Там же. С. 111.

пересекается») со структурной сопряженностью, но она образуется сама по себе всякий раз, когда различение различает исключительно себя. Здесь осуществляется чистое различение себя и всего, непрерывный переход из себя в себя в каждом моменте собственного различения, неотлично-отличного от движения бесконечного целого, «втягивание» его в себя для слияния с собой и одновременно «выталкивание» из себя для отличия. В событии сопряженности различений формируется своего рода протокол коррелятивности, в то время как аутопойесис уже создает предпосылки иной «оперативной закрытости», «запутанности», не эксплицируемой комплексности и контингентности. Структурная сопряженность как динамический момент вступает в противоречие с вновь образованной нелокальностью аутопойесиса.

Запускается череда объективаций, каждый раз выхватываемых из зеркал первичных различений. Но это не просто зеркала, «копирующие» реальность. Они деформируют отраженное ими всякий раз, когда в них снова и снова смотришь. Они отражают и сразу преломляют в очертания и образы те измерения, которые сами по себе никогда не сближались и не пересекались. Потому что преломляются друг в друге не прото-измерения первичных различений, а их деформационные проекции в горизонте *структурной сопряженности*.

Аутопойетическое различение узнает, пробуждается, угадывает, обретает свое различение, но сразу отталкивается от него, как только пытается различить само себя, осуществляя бесконечное *бегство от себя в себя*. Одновременно отстраняя всякое определенное, всякое «само», «самой», «самим», отбрасывая его в тень подразумевания как то, через что преодоление, от какого сна пробуждение, над чем возрастание и среди чего угадывание. Невозможно повторно различить один и тот же предмет, он тут же выскользнет из всякого «это» с его местоположением, неподвижностью и относительностью и тут же окажется выпростанным бескрайним простором первичного различения.

Аутопойесис — выбор как свободное самодвижение возможностей. Структурная сопряженность — тоже выбор, но как реализованная возможность. Как соотносятся между собой эти два типа выбора? Свобода выбора с позиции аутопойесиса — внутреннее состояние. Пока аутопойесис различает свое различение, там, на ортогонально расположенной окраине, неостановимо мерцает многообразие всевозможных сценариев структурной сопряженности, наполняя саму их смену динамическим энергийным ускорением. Здесь все неустойчиво и подвижно, все, что различается, впервые обнаруживается, любое различенное, известное из мира фактичности, непрерывно раскрывается в своих все время новых незнакомых мерах и перспективах. Как только различение различено, оно сразу меняет свой горизонт, дистанции, пропорции, деформации пространства-времени. Потому что различать здесь — отнюдь не то же, что наблюдать любопытства ради неизменные вещи, не спеша их высматривая, никак при этом не затрагивая экзистенцию человека. Различающий аутопойесис — это вновь и вновь возобновляемое предвосхищение-угадывание прото-различений в их тотальной неопределенности, периодически расшатывающей позицию наблюдателя. Здесь невозможно остаться и успокоиться, что-то окончательно понять, внутренне остановиться, перевести дух, подвести черту, подытожить, принять решение, сделать взвешенный выбор, осмотреться.

В приостановке различения той или иной объектности и развороте его обратно на себя наблюдатель тут же «проваливается» в безвременье, в межпространственное измерение в сторону иной возможной объективации.

«Всякое познание есть конструкция мира в мире»¹¹⁵. Если позволить себе интерпретацию высказывания Лумана в контексте аутопойесиса, то получится следующее: *познание как бытие аутопойесисом есть непрерывное конструирование мира в мире*. Своим непрерывным мерцающим формообразованием мир зовет и притягивает. И он тем более многолик и притягателен, чем более от него отклоняем (ортогонально) динамически обращенный вовне-внутри себя аутологический аутопойесис.

Но как только взор «застывает» на вторично различенном, определенном в его фактичных сюжетах, динамическая форма останавливает круговорот миро-метаморфоз и тут же сама оказывается в конкретной объективации, аутопойесис «растворяется» в своем бытии чистыми изменениями. Именно в этой ситуации возникает искус переключить внимания исключительно на вторичное (предметное) различие, ошибочно полагая, что отныне оно само себя воспроизводит, черпает свои энергии изнутри себя, отбросив за ненадобностью собственные прото-измерения первичных различий. К сожалению, как нам представляется, мимо этого искусства не всегда удастся пройти и Луману. Одно из достаточно основательных размышлений ученого дает повод так думать: *«Само различие латентного и явного, кажется, исчерпало свои возможности. Латентности трансформируются в контингенции. Поэтому и всякое первое различие должно пониматься как контингентное. Это получается в результате сведения всякой теории к нуждающемуся в разрешении парадоксу проведения различий. Тогда от всех объективных латентностей (которые «могут происходить») остается лишь один имплицит всякого совершения наблюдений, а именно, ненаблюдаемость своей собственной операции»*¹¹⁶.

Мы исходим из того, что в контексте аутопойесиса *возможности различения латентного и явного* поистине неисчерпаемы, если только мы экзистентно обращены к непрерывно генерируемой неопределенности первичных различий, к *«ненаблюдаемому в чистом виде, которое воспроизводится при всякой смене различий»*¹¹⁷. И вопрос вовсе не в том, чтобы раз и навсегда высветлить «ненаблюдаемое» темное и сделать его предметно доступным, а в том, чтобы быть готовым к тому, что любая попытка его различения по-новому конституирует оппозицию различенного определенного и латентного/реликтового. Мы понимаем имплицит Лумана как исконное неостановимое бегство «слепого пятна» к самому себе неразличенному, вслед за которым мчатся мерцающие своими очертаниями «острова света»¹¹⁸, *видо-миро-образования*. Разбросанные вдоль реликтового пространства-времени «насечки»¹¹⁹ прото-различий дают вторично различать уже совсем иные предметы как те же самые.

115 Луман Н. "Что происходит?" и "Что за этим кроется?". Две социологии и теория общества. — Социологическое обозрение. Т. 6. № 3, 2007. — С. 108.

https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf

116 Там же. — С. 117.

https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf

117 Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — С. 29.

http://yanko.lib.ru/books/cultur/luman-ob_kak_soc-sistema-8l.pdf

118 Хуртак Дж. Ключи Еноха. — Академия науки будущего, 2009. — С. 46.

<http://oovcxovz.c4uhosting.com/category-qneydc-8/ptiytl-107.html?i=1>

Выпрастываясь из себя-уже-незнакомого и устремляясь к себе-еще-неизвестному, аутопойесис дарует наблюдателю свободу от принадлежности однообразным сценариям, подхватывая его все время вовне себя, непрерывно расшатывая его экзистенцию, попутно открывая миры «вне нашего светового конуса... нельзя сказать, находятся ли они по отношению к нам в будущем, прошлом или настоящем...»¹²⁰. Но аутопойесис наделяет непрерывно изменяемой мерой различения исключительно себя для собственного распознавания в неизведанных измерениях, и в этом нескончаемом наделении — его волнение и мятежность, пульсация и дыхание. Он сразу оттолкнется от себя, ставшего себе уже чуждым, как от своего прошлого, попутно отбрасывая-разбрасывая свои всякий раз измененные меры-линзы в сторону нового мира и его будущим различиям, давая видеть и восхищаться его мерцающим многообразием. Но стоит наблюдателю обратить внимание на предметы и сюжеты мира, как аутопойесис тут же перестанет различать в них свое бытие. Потому что различение уже устремлено в другое прото-измерение, туда, где перед наблюдателем вновь незримо и величественно простираются неистовые мембраны первичных различений, безраздельно простирается горизонт латентного. «Присутствующее обязано собой отсутствующему, которое делает возможным его явление, а... следовательно, обязано собой... смещению надреза...»¹²¹, — говорит Луман.

Бытие аутопойесисом — неостановимый подхват к себе иному, оно одно и то же, когда оно всякий раз иное, оно возможно как непрерывная и неутомимая *инаковость*, «неизбывная дифференция»¹²², дрейфующий надрез латентного. Аутопойесис, «непрерывно генерирующий самого себя»¹²³, подхватывает новое отличие себя от себя, причем так, как он себя еще/уже не помнит. Его подхватывание-отпускание так стремительно меняет саму различительную размерность, что способствует непрерывному вспыхиванию миров внутри миров. Безудержно мчащийся, обгоняющий собственные динамические моменты, аутопойесис представляет собой череду различений, сжавших время и пространство, эпохи и расстояния в мерцающую иллюминацию вспыхивающих различений, ортогонально просеченных новыми пределами миров. Столь фантазмагорическое *свето-звучо-действие* разворачивается из аутопойетического бытия, с легкостью играющего мерами длительности, протяженности и непроницаемости. Но достаточно обратить и задержать взор в направлении подвижной многомерности миров, как один из них тут же окажется актуальным (остановленным). В каком отношении находится аутопойесис к спонтанно вспыхивающим то тут, то там мирам? Не будь

119 «Кроется то, что при наблюдении не может наблюдаться. Но это и есть всегда уже предполагаемое «unmarked space» (Спенсер Браун), в котором делаются насечки каждым различением». Луман Н. "Что происходит?" и "Что за этим кроется?". Две социологии и теория общества. — Социологическое обозрение. Т. 6. № 3, 2007. — С. 117.

https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf

120 Старобинский А. «Ключ к параллельным мирам: о чем говорится в последней работе Стивена Хокинга». <https://russian.rt.com/science/article/494293-hoking-rabota-parallelnye-miry>

121 Луман Н. "Что происходит?" и "Что за этим кроется?". Две социологии и теория общества. — Социологическое обозрение. Т. 6. № 3, 2007. — С. 107.

https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf

122 Черняков А. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. — С. 178.

http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D1%87%D0%B5%D1%80_1.pdf

123 Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — С. 30.

http://yanko.lib.ru/books/cultur/luman-ob_kak_soc-sistema-8l.pdf

аутопойесиса, не было бы многообразия мира, не было бы соответственно мер различения и восприятия самого многообразия.

Аутопойесис — непрерывно пульсирующая всеобъемлющими горизонтами «свободно парящая интеллигенция»¹²⁴, беспрестанно расставляющая новые экраны двойных перспектив. И одновременно незримая демаркация актуальности, пробегающая между «зеркалами» первичных различений, захватывающая и несущая в себе компоненты как одних, так и других для сопоставления между собой. Непрестанно меняя соотношения актуализации/потенцирования, иницируя свободное перемещение наблюдателя из одного субъектного наброска в другой, поочередно пробуждая их ото сна потенциации, всегда по-иному свидетельствуя, как там обстоит дело с каждой новой актуальностью.

Различенное само по себе как таковое различается как знак более изначального различения. По способу своей данности различенное заимствует эту идею самости/таковости от бесконечно дифференцируемого аутопойесиса. Сложность его понимания состоит в том, чтобы научиться мыслить его дифференциально/динамически, аутологически. Как это возможно? Различая что-либо малое или великое, значимое или не вполне, тут или там, вблизи или поодаль, мы однажды «увидим» (умозрительно), как в то же самое время аутопойесис различает сам себя, по ходу дела выдавая человеку меры различения. Он различает и одновременно самим же различием отменяет само различенное. Отныне он сам выступает переменным динамическим коррелятом по отношению к самому себе. Как только различение состоялось, оно тут же обменено на свой коррелят, продолжая различать, но уже не *себя-различенного*, а свою противоположность — *себя-иного*. *Различая только себя, то одного, то другого*, различение всякий раз «поворачивается» своей обращенностью к *себе-неизбывно-иному*, принимая в себя и сразу отбрасывая вовне — в мир — новые меры различения, будто его глаза, давая видеть и бесконечно восхищаться его неповторимостью, величием и многообразием. «*Мир наблюдает сам себя*»¹²⁵, — говорит Луман.

Аутопойесис различает не реальность мира в ее исторически организованных значениях, каким видит ее наблюдатель, а свою собственную динамическую реальность в мерцающих образах миров. Иными словами, аутопойесис различает не то, как есть миры, но в степени и мерах их периферийного многообразия различает, как есть он сам, постоянно ожидая «возможность воображаемого “повторного ввода” формы в форму»¹²⁶. При этом «*являясь неким различием, которое — как отличное — вновь обнаруживается в самом себе*»¹²⁷. В подвижном мерцании форм и пространств он узнает себя, зовя на место себя невиданные прежде, но долгожданные миры с признаками его присутствия. На самом деле это вырвавшийся из себя в себя аутопойесис, неостановимо разбрасывающий меры различения/распознавания. Именно посредством этих мер перед наблюдателем раскрываются новые витальные панорамы, которые он понимает и обживает, соотносит с собой, со своей историей; они вспыхивают, прорезая существующие измерения, и распаиваются новыми, но уже со своими горизонтами, спектрами реактивности и чувствительности, гравитацией и сценариями.

124 Луман Н. Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007. — С. 225.

125 Там же. С. 170.

126 Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — С. 30.

http://yanko.lib.ru/books/cultur/luman-ob_kak_soc-sistema-81.pdf

127 Там же. С. 29.

Нас уже нет там, откуда мы только собирались уйти, но мы всегда там и в том всецело и безоглядно, где намечались быть. Мысль и действие, стремление и владение, давание и воздаяние — между одним и другим нет промежутков. Потому что пространственно-временные корреляты уже не успевают объективироваться в различении, оно различает, мгновенно искривляя пространство/время, пронзая его, и сразу вовлекая в дальнейшие непрерывные деформационные смещения. Уже нет никакого «вне», которое не было бы одновременно «внутри». Аутопойетическое различение — мгновенное схлопывание/простираение пространства/времени, в результате чего всякий раз «высыпаются» каскады уникальных несхожих миров и их историй. Аутопойетическое различение не знает, прерывается ли оно на мгновение или на тысячелетия, внутри себя оно непрерывно и неостановимо. В какой-то момент времени аутопойесис становится тем единственным нелокальным «*вот*»¹²⁸, где что-то происходит и вообще может происходить. И если экзистенция, как проекция нашего двоякого присутствия-обращенности, не будет помещена внутрь аутопойесиса, то мы «застынем в объятьях» великой потенциальности прото-различений в ожидании события их феерической синхронности, пробуждающей нас от вековых снов, одновременно пробуждая сознание сопричастности и сотворчества.

*«Этот космос... не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет животворящий огонь, мерой возгорающийся, мерой угасающий»*¹²⁹.

Притягательность лумановской теории двойного различения состоит в том, что она на фоне всего социологического наследия Лумана обладает собственной жизнью, дыханием, пульсацией, некой экзотической фрактальностью. И это связано, прежде всего, с тем, что, едва оттолкнувшись от специфически социологических оснований, Луман сразу ступает на крайне подвижную почву аутологического способа исследования. Применительно к теории двойного различения данный способ оказался весьма эффективным, но имелись также и трудности. Понятия, вовлеченные в аутологический дискурс, невозможно трактовать не из них самих, и тем более неоднократно применять в границах тех или иных гуманитарных наук. В противном случае мы должны быть готовы к неизбежной утрате этих границ и, соответственно, тематического понятийного аппарата, целевой аудитории и т. д. В связи с этим Луман постоянно сталкивается, прежде всего, с парадоксальностью выбранного им метода исследования. Парадоксальность этого выбора заключается в том, что, опираясь на некие исходные позиции, метод уже не имеет обратного хода, постоянно требуя разработки нового контекста, многократно меняя собственные основания. В конечном счете, требование актуальности исследования однажды с неизбежностью ставит под сомнение целесообразность междисциплинарных границ, так или иначе препятствующих свободному поиску и эволюции изысканий.

Для выполнения названного требования приходилось идти на немалый риск, а именно — периодически отвлекаться от специфически лумановских теоретических

128 «Вот» — это не указание места расположения налично присутствующего. «Вот» в данном случае понимается, скорее, как хайдеггеровское «вот-бытие», которое следует отличать от «вот-сущего». (Прим. автора.)

129 Гераклит. ДК 30. В 51. Фрагменты ранних греческих философов. — М.: Наука, 1989. Ч. 1. — С. 217.

постановок и «переводить» интерпретацию на язык версии. Нам хотелось не только охватить объем лумановского проникновения в проблематику двойных различений, но и самим приблизиться к ней, насколько это возможно, на предельно близкую дистанцию. Задача оказалась двойкой, в связи с чем была применена предложенная нами т. н. формула актуальности исследования, которая наверняка была бы поддержана немецким социологом: «интерпретация автора» + «версия интерпретатора» = «живой отклик понимания». В противном случае мы оказались бы в плену исключительно авторской системы, непростительно упуская из виду беспокойную пульсацию исследуемой сути. На протяжении всего своего научного пути Луман не просто борется со всевозможными признаками строго детерминированной системности — это скорее следствие, нежели цель, — он с завидным постоянством пытается высвободить из жестких понятийно-теоретических структур динамическое единство различительных актов, дабы приоткрыть в нем его реликтовое перманентное самодвижение, рискуя быть непонятым своим профессиональным сообществом. Вдохновляя тех, кто чуток к подхватам мысли, независимо от притязаний на нее рубрик.

Литература

- Анненский И. Стихи. URL: [<https://www.culture.ru/poems/30012/dekoraciya>].
- Аристотель. Метафизика. Книга II. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 2006. 232 с.
- Аркадьев М. Лингвистическая катастрофа». СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2013. 504 с. URL: [https://imwerden.de/pdf/arkadjev_lingvisticheskaya_katastrofa_2013.pdf].
- Батищев Г. С. Особенности культуры глубинного общения. Вопросы философии, 1995. № 3. URL: [<https://www.kph.npu.edu.ua/e-book/klasik/data/vopros/03.html>].
- Беккер Д. «В обществе — об обществе». Социологос. Общество и сферы смысла. Выпуск 1. Под ред. В. В. Винокурова и А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. 480 с. URL: [<https://studfile.net/preview/460633/page:13/>].
- Библия полная. Книга Ездры III. [<http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/3ezdr/txt07.html>].
- Ветхий Завет. Исход.
- Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. II. Философия природы. Физика всеобщей индивидуальности. М.: Соцэкгиз. 1934.
- Гераклит. DK 22. В 30.
- Госвами А. Самосознающая вселенная. Как сознание создает материальный мир. URL: [<https://avidreaders.ru/read-book/samosoznayuschaya-vseleennaya-kak-soznanie-sozdaet-materialnyy.html?p=4>].
- Гроф Ст. «У истоков». URL: [<https://www.youtube.com/watch?v=QUKhJXB74s>].
- Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. 192 с.
- Железнов А. С. «Вера как практическое отношение к контингентному бытию». URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/vera-kak-prakticheskoe-otnoshenie-k-kontingentnomu-bytiyu>].
- Карелин В. «Двойная контингентность и «мистика» коммуникации». URL: [<https://syg.ma/@vladislav-karielin/dvoinaia-kontinghientnost-i-mistika-kommunikatsii>].
- Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
- Крейк А. И., Комф Е. В., Карпова И. П. «К вопросу об использовании понятия «наблюдатель» в научном дискурсе Никласа Лумана». URL: [<https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13175>].

- Ксенофонтова А. «Ключ к параллельным мирам: о чем говорится в последней работе Стивена Хокинга». URL: [<https://russian.rt.com/science/article/494293-hoking-rabota-parallelnye-miry>].
- Лотман Ю. Культура и взрыв. М.: Гнозис. Изд. гр. «Прогресс», 1992. 272 с. URL: [<https://studfile.net/preview/1787816/page:14/>].
- Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 360 с.
- Луман Н. «Власть». URL: [<https://studfile.net/preview/5561029/>].
- Луман Н. Общество общества. Кн. 1. Общество как социальная система. Кн. 2. Медиа коммуникации. Кн. 3. Эволюция. М.: Логос, 2011. 637 с.
- Луман Н. Общество общества. Кн. 4. Дифференциация. Кн. 5. Самоописания. М.: Логос, 2011. 640 с.
- Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.
- Луман Н. Социальные системы. СПб.: Наука, 2007.
- Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества. Социологическое обозрение. Т. 6. № 3, 2007. URL: [https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf].
- Мамардашвили М. Психологическая типология пути. РХГИ. СПб., 1997. 571с.
- Мануковский В. В. «Экзистенциалы в философии К. Ясперса». URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialy-v-filosofii-k-yaspersa>].
- Матурана У. Цит. по Капра Ф. Скрытые связи. М.: София, 2004. URL: [<https://vikent.ru/enc/2087/>].
- Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М.: Территория будущего, 2007. 456 с.
- Неретина С., Огурцов А. Реабилитация вещи. И.д. «Мирь». СПб., 2010. 800 с.
- Николаева Т. Г. «Критический анализ понятий «предикация» и «предикативность» в современной лингвистике». Филологические науки. URL: [<http://izvestia.vspu.ru/files/publics/127/82-87.pdf>].
- Новоселова Г. Г. «Сущность и эволюция понятия «аутопойезис». URL: [<http://www.dy.nayka.com.ua/?op=1&z=634>].
- Онетти Х. К. Избранное. М.: Радуга, 1983. «Короткая жизнь». 408 с.
- Подорога В. Метафизика ландшафта. М.: Канон-плюс, 2013. 552 с.
- Старобинский А. «Игра воображения»: Как Стивен Хокинг переосмыслил теорию Большого взрыва». URL: [<http://124.lt/ru/raznoe/item/245380-igra-voobrazheniya-kak-stiven-khoking-pereosmyslil-teoriyu-bolshogo-vzryva>].
- Теляшев Д. «О чем последняя статья Стивена Хокинга». URL: [<https://www.buro247.ru/lifestyle/obshchestvo/20-mar-2018-hawking.html>].
- Филиппов А. «Теория систем: аутопойезис продолжается». Социологическое обозрение Том 3. № 1, 2003. URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sistem-autopoyesis-prodolzhaetsya>].
- Хайдер Ф. Цит. по Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007.
- Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2002. 451 с.
- Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб.: Владимир Даль, 2013. 591 с.
- Хокинг Ст., Млодинов Л. «Высший замысел». URL: [https://elementy.ru/bookclub/chapters/431557/Vysshiy_zamysel_Glava_iz_knigi].
- Хуртак Дж. Книга знания: Ключи Еноха. Академия науки будущего, 2009. URL: [<http://oovcxovz.c4uhosting.com/category-qneydc-8/ptiytl-107.html?i=1>].
- Черняков А. «Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера». URL: [http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D1%87%D0%B5%D1%80_1.pdf].
- Naked science. № 51. Август — сентябрь 2020. «Квантовая запутанность — королева парадоксов». URL: [<https://naked-science.ru/article/nakedscience/kvantovaya-zaputannost>].

References

- Annenskii, I. Stih. [<https://www.culture.ru/poems/30012/dekoraciya>]. (In Russian)
Aristotel. Metafizika [τὰ μετὰ τὰ φυσικά]. Kniga II. M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomi. 2006. 232 pp. (In Russian.)
Arcadiiev, M. Lingvisticheskaya katastrofa. SPb.: Izd. Ivana Limbaha, 2013. 504 pp. [https://imwerden.de/pdf/arkadijev_lingvisticheskaya_katastrofa_2013.pdf]. (In Russian.)
Batischev, G. S. Osobennosti culituri glubinnogo obschenia. Voprosi filosofii, 1995. № 3. [<https://www.kph.npu.edu.ua!/e-book/clasik/data/vopros/03.html>]. (In Russian.)
Baecker, D. «V obschestve — ob obschestve». Sociologos. Obschestvo i sferi smisla. Vipusk 1. Pod red. V. V. Vinokurova i A. F. Filippova. M.: Progress, 1991. 480 pp. [<https://studfile.net/preview/460633/page:13/>]. (In Russian.)
Biblia polnaia. Kniga Ezdri III. [<http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/3ezdr/txt07.html>]. (In Russian)
Cassirer, Er. Opit o cheloveke: Vvedenie v filosofiyu chelovecheskoi culitury [An Essay on Man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture] // Problema cheloveka v zapadnoi filosofii. M.: Progress, 1988. 552 pp. (In Russian.)
Cherniacov, A. Ontologia vremeni. Bitie i vremea v filosofii Aristotelea, Gusserlea i Heideggera. [http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D1%87%D0%B5%D1%80_1.pdf]. (In Russian.)
Filippov, A. Teoriya sistem: autopoyesis prodolzhaetsya. Sociologicheskoe obozrenie. T. 3. № 1, 2003. [<https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sistem-autopoyesis-prodolzhaetsya>]. (In Russian.)
Goswami, A. Samosoznayuschaya vseennaya. Kak soznanie sozdaet materialnyy mir. [<https://avidreaders.ru/read-book/samosoznayuschaya-vseennaya-kak-soznanie-sozdaet-materialnyy.html?p=4>]. (In Russian.)
Hegel, G. W. F. Nauka logiki [Wissenschaft der Logik], V 3 tt. T. 1. M.: Misli, 1970. 501 pp. (In Russian)
Hegel, G. W. F. Enciklopedia filosofskih nauk. [Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse], T. II. Filosofia prirodi. Fizica vseobschey individualnosti. M.: Sozkegiz. 1934. (In Russian.)
Heraklit. DK 22. B 30. (In Russian.)
Grof, St. U istokov. [<https://www.youtube.com/watch?v=QUKhJXB74s>]. (In Russian.)
Husserl, Ed. Fenomenologia vnutrennego soznania vremeni [Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins]. M.: Gnozis, 1994. 192 pp. (In Russian.)
Heider, F. Cit. po Luhmann N. Vvedenie v sistemnuu teoriiu [Binfiührung in die Systemtheorie]. M.: Logos, 2007.
Heidegger, M. Bitiye i vremea [Sein und Zeit]. SPb.: Nauka, 2002. 451 pp.
Heidegger, M. Osnovnie poniatiya metafizici [Die Grundbegriffe der Metaphysik]. SPb.: Vladimir Dali, 2013. 591 pp.
Hawking, St., Mlodinov L. «Vysshiiy zamysel» [The Grand Design]. [https://elementy.ru/bookclub/chapters/431557/Vysshiiy_zamysel_Glava_iz_knigi]. (In Russian.)
Hurtak, J. Kniga znaniya: Kluchi Enoha. Academia nauci buduschego, 2009. [<http://oovcxovz.c4uhosting.com/category-qneydc-8/ptiytl-107.html?i=1>]. (In Russian.)
Jelevnov, A. S. «Vera kak practicheskoe otnoshenie k kontingentnomu bitiyu». [<https://cyberleninka.ru/article/n/vera-kak-practicheskoe-otnoshenie-k-kontingentnomu-bytiyu>]. (In Russian.)
Karelin, V. «Dvoynaya kontingentnostii «mistika» kommunikacii». [<https://syg.ma/@vladislav-karielin/dvoynaia-kontinghentnost-i-mistika-kommunikatsii>]. (In Russian.)
Kreik, A. I., Komf E. V., Carpova I. P. «K voprosu ob ispolizovanii poniatia «nabludateli» v nauchnom discourse Niclasi Lumana». [<https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=131751>]. (In Russian.)
Ksenofontova, A. «Cluch k parallelinim miram: o chem. Govoritsea v posledney rabote Stivena Hokinga». [<https://russian.rt.com/science/article/494293-hoking-rabota-parallelnye-miry>]. (In Russian.)
Lotman, U. Culitura i vzriv. M.: Gnozis. Izd. gr. Progress, 1992. 272 pp. [<https://studfile.net/preview/1787816/page:14/>]. (In Russian.)

-
- Luhmann, N. Vvedenie v sistemnuiu teoriiu [Binfihrung in die Systemtheorie]. M.: Logos, 2007. 360 pp.
- Luhmann, N. «Vlasti» [Macht]. [[https://studfile.net/preview/5561029/.](https://studfile.net/preview/5561029/)] (In Russian.)
- Luhmann, N. Obschestvo obschestva [Gessellschaft der gessellschaft]. Kn. 1. Obschestvo kak socialinaya sistema. Kn. 2. Media comunicaciya. Kn. 3. Evoluciya. M.: Logos, 2011. 637 pp.
- Luhmann, N. Obschestvo obschestva [Gessellschaft der gessellschaft]. Kn. 4. Differenciaciya. Kn. 5. Samoopisaniya. M.: Logos, 2011. 640 pp.
- Luhmann, N. Realinosti massmedia [Die Realität der Massenmedien]. M.: Praxis, 2005.
- Luhmann, N. Socialinie sistemi [Soziale systeme]. SPb.: Nauka, 2007.
- Luhmann, N. "Chto proishodit?" i "Chto za etim kroetsea?" [«Was ist der Fall?» und «Was steckt dahinter?»]. Dve sociologii i teoriya obschestva. Sociologicheskoe obozrenie. T. 6. № 3, 2007. [https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/29/1211823269/6_3_8.pdf]. (In Russian.)
- Mamardashvili, M. Psihologicheskaya tipologiya puti. RHGI. SPb., 1997. 571 pp.
- Manukovskii, V. V. «Egzistenciali v filosofii K. Jaspersa». [<https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialy-v-filosofii-k-yaspersa>]. (In Russian.)
- Maturana, H. Cit. po Kapra F. Skritie sveazi. M.: Sofiya, 2004. [<https://vikent.ru/enc/2087/>]. (In Russian.)
- Molchanov, V. I. Issledovaniya po fenomenologii soznaniya. M.: Territoriya buduschego, 2007. 456 pp.
- Naked science. № 1. Avgust — sentiabri 2020. «Kvantovaya zaputannosti — koroleva paradoxov». [<https://naked-science.ru/article/nakedscience/kvantovaya-zaputannost>]. (In Russian.)
- Neretina, S., Ogurcov, A. Reabilitaciya veschi. I. d. Mir. SPb., 2010. 800 pp.
- Nicolaeva, T. G. «Criticheskii analiz poniatii «predikaciya» i «predikativnosti» v sovremennoi lingvisticе». Filologicheskie nauki. [<http://izvestia.vspu.ru/files/publics/127/82-87.pdf>]. (In Russian.)
- Novoselova, G. G. «Suschnosti i evoluciya poniatia «autopoiezis». [<http://www.dy.nayka.com.ua/?op=1&z=634>]. (In Russian.)
- Onetti, J. C. Izbrannoe. M.: Raduga, 1983. 408 pp.
- Podoroga, V. Metafizica landshavta. M.: Kanon-plus, 2013. 552 pp.
- Starobinski, A. «Igra voobrajeniya»: Kak Stiven Hoking pereosmyslil teoriyu Bolshogo vzriva». [<http://124.lt/ru/raznoe/item/245380-igra-voobrazheniya-kak-stiven-khoking-pereosmyslil-teoriyu-bolshogo-vzryva>]. (In Russian.)
- Teliashvili, D. «O chem poslednyaya statiya Stivena Hokinga». [<https://www.buro247.ru/lifestyle/obshchestvo/20-mar-2018-hawking.html>]. (In Russian.)
- Old Testament. Ishod.

N. Luhmann's theory of double differentiation: concepts, interpretation, version

Gushchin O. V.,

independent researcher, Moldova, Chisinau,

oleg_gusin@mail.ru

Abstract: Luhmann's theory of double distinction is a cross-cutting theme that runs through the entire sociological heritage of the outstanding German sociologist. Since this theory is not a subject of sociology and goes far beyond its scope, it is natural that its essential consideration does not have to be sociological. In this regard, in the process of studying Luhmann's texts, one way or another, a contradiction arises between the collaboration representing the problem and the problem itself. What is its essence in short? We distinguish between something as such in itself — singular and indivisible, without experiencing any existential difficulties. But as soon as we intend to discern the very distinction, we immediately find ourselves in a turbulence of forms and identifications, measures and dimensions, along the way losing our own, once unshakable, observer position. A situation of uncertainty arises, pushing towards this or that choice, to this or that commitment as to something definite. Luhmann seeks to overcome the intention of commitment. The result is a dynamic panorama of continuously related distinctive acts. This is perhaps the most difficult passage not only in Luhmann, but also in the theory of distinction in his double dynamic perspective. The difficulty is to describe how it is possible to relate to what is itself as a result of the relationship. According to Luhmann any definite differentiated — is act in act, movement within movement, time within time, subject within subject, life in life, relationship within relationship, etc. No matter what we are talking about, we are always talking about a double perspective of differentiation. Luhmann seeks to clarify the essence of the relation in relation as the possibility of explication of what itself makes explicit. This opportunity Luhmann calls autopoiesis, in which the unity of distinctive acts finds its higher dynamic expression. The «stumbling block» that the theory of autopoiesis constantly «stumbles over» is not so much the fact that they want to find autopoiesis in applied empirical research, but rather the fact that at the moment of its discrimination, the very correlation of discrimination itself changes dramatically. Here there is no longer a return to the previous arguments, the development of a new context is constantly required, the grounds change many times.

A few words about the method of presenting subject. In the process of writing the article, I had to make abstraction from specifically Luhmann's theoretical statements and «translate» the language of interpretation into the language of the version. We wanted not only to cover the scope of penetration into the problem of Luhmann's double distinctions, but also to approach it in my own way, as much as possible, at an extremely close distance. The task turned out to be twofold, in connection with which the so-called proposed by us was applied the formula for the relevance of the study, which would most likely be supported by a German sociologist: «author's interpretation» + «interpreter's version» = «lively response of understanding». Otherwise, we would have found ourselves in captivity exclusively to the author's system, unforgivably losing sight of the restless pulsation of the essence under study. Throughout his entire scientific path, Luhmann not only struggles with all sorts of signs of a strictly determined system — it is more a consequence than a goal — he with enviable constancy tries to free the dynamic unity of distinctive acts from rigid conceptual and theoretical structures in order to reveal in him his relict permanent self-movement at the risk of being misunderstood by their professional community. Inspiring those who are sensitive to the grasp of thought, regardless of the rubrics that claim it.

Keywords: primary (secondary) demarcation, observer, double perspective, generalisation, weak conjugations, blind spot, relict distinction, protodifference, catatonic delimitation, action, system, uncorrelated divergence, potentiation, contingency, autologous concept, autopoiesis.